

Дмитрий Леонидович Спивак

Метафизика Петербурга. Немецкий дух

Дмитрий Спивак

**Метафизика Петербурга.
Немецкий дух**

«Эко-Вектор»

2003

Спивак Д. Л.

Метафизика Петербурга. Немецкий дух / Д. Л. Спивак — «Эко-Вектор», 2003

Книга посвящена участию российско-немецких культурных контактов в формировании духовности «петербургской цивилизации», от лютеранских влияний петровской эпохи или «петербургско-берлинского» масонства – до «философской интоксикации» идеями Шеллинга, Гегеля, а позже и Маркса, или антропософских увлечений младших символистов. Особое место уделено длительной истории отношений новгородцев с ливонскими рыцарями и ганзейскими купцами, которым довелось внести свой вклад в предысторию «мифа Петербурга». В книге подведены итоги многолетних историко-психологических исследований, проведенных автором – доктором филологических наук, научным сотрудником Российской Академии наук. Она основана на обширном материале, собранном трудами петербургских ученых и писателей-краеведов, равно как на привлечении оригинальных немецких источников, написана занимательно и предназначена для широкого круга читателей.

© Спивак Д. Л., 2003

© Эко-Вектор, 2003

Содержание

Введение	5
Глава 1. Древности – готские и франкские	10
Готские древности	11
«Каролингские немцы»	17
Империя Оттонов	20
«Из немец в хазары»	22
«Немецкая вера»	24
Немецкая проповедь на Востоке	26
Глава 2. Средневековье – ливонское и ганзейское	29
«Натиск на Восток»	29
Завоевание Ливонии	31
Психология колонизации	33
Тевтонский орден	35
«Рыцарь Андреяш»	38
«Бург Копорье»	40
Ледовое побоище	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Д.Л. Спивак

Метафизика Петербурга. Немецкий дух

Введение

Германским народам, не говоря уж о немцах, отнюдь не принадлежало историческое первенство в деле заселения приневского края. На него, как известно, могут претендовать народы прибалтийско-финского корня – ижора и водь, карелы и финны – в зависимости от того, о какой именно местности и эпохе мы говорим. Как помнит читатель, многие места в наших краях не раз подвергались запустению, а потом заселялись заново.

Не довелось немцам и участвовать в весьма раннем заселении этого края, предпринятом далекими предками современных русских. Обосновавшись здесь, они с давних пор упорно обороняли свои владения от посягательств соседей и неизменно включали приневские земли в состав своих важнейших государственных образований – от ранней «империи Рюриковичей» до Новгородской республики, и от московского царства до «петербургской империи».

В отличие от шведов, не довелось немцам до наступления двадцатого столетия и век за веком, настойчиво и изобретательно претендовать на приневские земли, биться за них, основывать здесь укрепления и города. Как мы помним, последний из таковых, основанный в начале века «шведского великодержавия», Ниен с крепостью Ниеншанц, непосредственно предшествовал Санкт-Петербургу во времени и пространстве.

Вот почему, посвятив предыдущую, выпускаемую в свет также издательством «Алетейя», книгу о предыстории и истории участия в деле формирования «мифа Петербурга» носителей трех упомянутых выше культурных традиций, исторически первенствовавших в освоении приневского края, мы не нашли уместным включить в нее очерк «немецких влияний и контактов».

Вместе с тем, нужно напомнить, что немецкие колонизаторы появились в Восточной Прибалтике очень давно. Точкой отсчета в их продвижении, безусловно, нужно считать основание Риги весной 1201 года (хотя первая немецкая экспедиция высадилась в устье Западной Двины за добрых полтора десятилетия прежде указанной даты). Быстро заняв основную территорию теперешних Латвии и южной Эстонии, немецкие рыцари предъявили претензию на новгородские земли – не исключая и Водской пятины, где они предприняли попытку основать настоящий «бург» на территории Копорского погоста. Только решительный отпор, который они встретили в Ледовом побоище и ряде других сражений, оставшихся менее известными, остановил в наших местах немецкий «дранг нах Остен» и установил на долгие века знаменитую «ливонскую границу», прошедшую по реке Нарове, Чудскому озеру и далее на юг.

Разделив великие христианские цивилизации Восточной и Западной Европы, эта граница не помешала ганзейским купцам наладить взаимовыгодные связи с их новгородскими контрагентами. Основной поток ганзейских товаров проходил транзитом через Неву, нередко перегружаясь прямо на островах ее дельты. Основав в этом месте свою столицу, Петр Великий продолжил как традицию противостояния немецкой угрозе, воплощенную в камне возведенных в разное время «на ливонском направлении» укреплений Ивангорода, Ямгорода и Копорья, так и линию деловых и культурных контактов, начатую новгородско-ганзейскими сношениями и продолженную Немецкой слободой в Москве.

Сразу же после основания нашего города, в него устремился поток немецких переселенцев как из соседних, только что приобретенных остзейских земель, так и из более отдаленных германских государств. Они представляли практически все основные классы тогдашнего общества. С течением времени, «петербургские немцы» составили особую этническую группу, весьма выделявшуюся в числе жителей столицы Российской империи по своим численности,

сплоченности и влиянию – и проявлявшую вполне выраженную тенденцию к перерастанию в «субэтнос». Ну, а «немецкому духу» суждено было оказать более чем заметное воздействие на культурную традицию всего «петербургского периода». Более того, говоря о первостепенных культурных влияниях этой эпохи, следует назвать только два – немецкое и французское – причем именно в такой исторической последовательности.

Нельзя умолчать о событиях обороны Петрограда – и, разумеется, блокады Ленинграда, когда героическое сопротивление не только защитников города, но и всех ленинградцев, предотвратило его занятие немецкими войсками, за которым последовало бы разрушение города и прекращение его уникальной культурной традиции. То было самое тяжелое испытание в истории нашего города, последствия которого явны до сей поры. В этом контексте представляется особенно важным, что церемония возложения венков, проведенная на Пискаревском мемориальном кладбище перед недавним открытием российско-германского форума «Петербургский диалог», рассматривалась немецкой стороной в качестве символического акта окончательного примирения обеих наций.

В силу указанных и многих других причин, обращение к истории российско-немецких духовных контактов также принадлежит к числу первоочередных задач исследователя петербургской культуры. Ну, а читатель или читательница, следуя за нами по страницам предыстории Петербурга или его истории, сможет в полной мере оценить, как многими мыслями, образами и чувствами он или она обязаны фактору немецкой культуры, претворенной в тигле петербургской традиции.

Употребление этого образа, принадлежащего не только технологии, но и алхимии, принципиально важно для нас. *Ведь, широко заимствуя многообразные ингредиенты из сокровищниц чужестранных культур, носители «петербургского духа» деформировали и переплавляли их настолько существенно и помещали потом в такие своеобразные культурные контексты, что итог этой «культурной рецепции» принадлежал уже безусловно петербургской традиции – и только ей.*

Разумеется, что таким свойством располагают отнюдь не все культурные традиции – но лишь, так сказать, наиболее сильные из них. Будучи упорядочены по своим собственным, качественно своеобразным законам, они обеспечивают решение в принципе всех задач, необходимых для полноценной материальной и духовной жизни членов соответствующего социума – а в первую очередь, само их осознание. В современной семиотической науке, такие традиции получили название «замкнутых целостных семиосфер». Говоря о них, мы примыкаем к высказанной уже около четверти века назад, однако отнюдь не утратившей актуальности, концепции Ю.М.Лотмана – кстати сказать, воспитанника ленинградской «Петришуле» – в свою очередь, продолжавшего линию мысли, намеченную его предшественниками, прежде всего – У.Эко¹.

Строя «культурные тексты» по ходу своей каждодневной деятельности, носители семиосферы следуют ее имманентным законам, задумываясь над ними обычно не в большей степени, чем над правилами грамматики родного языка. Впрочем, смутное чувство причастности к некой сверхличной – или, как сейчас стали говорить, трансперсональной – сфере время от времени посещает их сердца и умы. Оно достигает особой отчетливости «во дни торжеств и бед народных», когда продолжение традиции или отказ от нее переходит из императивов коллективного подсознания в область сознательного личного выбора, за который иной раз приходится отвечать жизнью.

Особую роль в этих условиях приобретают канонические тексты, последовательность которых может рассматриваться не только как результат творчества отдельных писателей,

¹ Лотман Ю.М. О семиосфере // Idem. Избранные статьи в трех томах. Т.1. Таллин, 1992, с. 11–24 (статья была впервые опубликована в 1984 году). Конструктивное обсуждение см.: Александров В.Е. "Семиосфера" Лотмана и разновидности человеческой личности // Звезда, 1998, N 10, с. 180–192. Ср.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию \ Пер. с итал. СПб, 1998, с.412 (основной текст трактата был написан в 1968 году).

архитекторов или мистиков – но как самораскрытие «души города». Употребив последнее выражение, мы подчеркнули, что продолжаем традицию изучения Петербурга, начатую трудами выдающегося историка-урбаниста и теоретика-краеоведа прошлого века Н.П. Анциферова. «Не следует задаваться совершенно непосильной задачей – дать определение духа Петербурга», – писал он, намечая в 1922 году одну из существенно важных доминант в психологическом строе петроградского интеллигента на закате «серебряного века», в предвидении эпохи «великих потрясений», – «Нужно поставить себе более скромное задание: постараться наметить основные пути, на которых можно обрести „чувство Петербурга“, вступить в проникновенное общение с гением его местности»².

Наградой за это общение служит обретение душевного мира, которое обычно сопровождает приобщение к сверхличностным знаниям и ценностям – и, сверх того, к тем поистине судьбоносным драмам, что разыгрываются в океане «большого» исторического времени, фактура которого качественно отлична от «малого» времени, на пространстве которого суждено протекать человеческим жизням. Что касается подразумеваемых, а иногда и высказываемых в связи с этим надежд на онтологическую трансформацию – продолжение своего земного существования в надличном бытии семиосферы – то мы признаем, что ее систематическое рассмотрение далеко выходит за пределы наших задач и познаний. Впрочем, мы с неизменным благоговением будем мысленно возвращаться к замечательным строкам классика петербургской литературы:

«Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживет и тленья убежит»...

Итак, под метафизикой Петербурга мы будем подразумевать его замкнутую целостную семиосферу, осуществляющую трансперсональную психологическую трансформацию. Едва поставив здесь точку, мы сразу должны оговорить, что приведенное определение останется у нас первой и единственной строго научной формулировкой. В дальнейшем изложении, мы обратимся к ее конкретным приложениям – в надежде на то, что они будут всего интереснее для той широкой аудитории, которой в первую очередь адресована эта книга.

Что же касается ученого, то ему не составит труда восстановить теоретическую канву наших размышлений, руководствуясь адресованными подготовленному читателю краткими пояснениями, систематически включаемыми в ткань повествования. В качестве вводного замечания, отметим, что *общий контекст для наших метафизических штудий составлен научной дисциплиной, которую мы предложили называть культурологией Петербурга. Предметная область ее разделяется на историю и идеологию «петербургской цивилизации», как способа приведения к общему знаменателю и упорядочения «форм жизни» на евразийском пространстве, последовавшего во времени за одним московским «затворенным царством» и предшествовавшего другому; а также культуры самого города на Неве, служившего, образно говоря, мозговым центром, лабораторией и витриной инноваций этого периода*³.

С представленной выше расстановкой приоритетов согласуется принятый нами порядок библиографических ссылок. Литература о «немцах на берегах Невы» весьма обширна – а если учесть и огромные архивные материалы, то практически необозрима. Разработке этой предметной области посвящен целый ряд интересно задуманных и тщательно проведенных исследований ученых нашего города, от В.М. Жирмунского, Л.В. Пумпянского, И.В. Шаскольского

² Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Л., 1990, с.14 (репринтное воспроизведение издания 1922 года).

³ Связанная с этими категориями исследовательская стратегия была предложена вниманию научной общественности в докладах автора: Историко-психологические аспекты "петербургской цивилизации" // Психология Петербурга и петербуржцев за три столетия. Материалы Российской научной конференции. СПб, 1999, с. 9–10; Культурология Петербурга // Феномен Петербурга. Труды Международной конференции. СПб, 2000, с. 125–127.

– до Ю.Н.Беспярых, Н.А.Казаковой, Т.А.Славиной, Т.Н.Таценко, Т.А.Шрадер, Н.В.Юхневой и многих других. Мы ограничились здесь упоминанием лишь имен нескольких исследователей последнего столетия – а ведь о «петербургских немцах» или о немцах в Петербурге, о петербуржцах в Германии и о рецепции немецких идей на русской почве много писали у нас и прежде того.

Глубокую разработку получили эти проблемы также в работе славящихся своей скрупулезностью ученых-гуманитариев и обществоведов Германии, Австрии, а в последнее время также Швейцарии⁴. Нельзя не упомянуть и о периодически выпускаемых с 1998 года петербургским издательским домом «Дмитрий Буланин» сборниках статей отечественных и зарубежных ученых, выходящих под общим названием «Немцы в России». В их числе выделяется выпущенный в 1999 году объемистый том, дающий обильную пищу для размышлений об исторических судьбах и особенностях менталитета «петербургских немцев».

Даже если учесть, что рассмотрение доминирующих черт немецкой метафизики Петербурга представляет собой задачу достаточно узкую по сравнению с обзорением всей совокупности петербургско-немецких культурных контактов – нужно признать, что мало-мальски подробное описание наших источников все равно приобрело бы черты с трудом выполнимого предприятия. В этих условиях, мы сочли оправданным ограничиться отсылками к выпущенным или переизданным в последнее время на русском языке книгам или статьям обзорного характера, снабженным ключевыми библиографическими указаниями. Само собой разумеется, что в случае упоминания концепций и фактов, менее известных отечественной аудитории – тем более, впервые вводимых в оборот современного «петербурговедения» – ссылки приводятся в полном объеме.

Оговорим также с чувством сожаления, что нам пришлось оставить вне рамок настоящей книги художественную литературу и изобразительное искусство Ленинграда 1970-1990-х годов. Близость во времени, обилие источников, а иногда – личное знакомство с авторами могут создать ощущение простоты и понятности закономерностей культурной динамики этого периода. Такое впечатление безусловно обманчиво, сама же тема настолько важна и своеобразна, что ее раскрытие следует отнести к особой работе.

* * *

Первой главе предпослано изображение так называемого «знака молнии». В числе других магических знаков, он был помещен на железном наконечнике готского копья, изготовленного в третьем веке. Копье было найдено археологами на Волини, близ города Ковель. Как помнят историки, как раз в III столетии готам удалось создать на территории будущей Русской земли и при самом активном участии наших предков мощное, хотя и недолговечное «протогосударственное образование».

Вторая глава начинается с изображения двуглавого орла, утвердившегося в качестве герба Священной Римской империи к середине XV столетия и передававшего идею германского великодержавия. Согласно свидетельствам дипломатических архивов, знакомство с этим гербом укрепило Ивана III в решении положить изображение византийского двуглавого орла в основу своего нового государственного герба, на что он приобрел право после женитьбы на принцессе Софии Палеолог. Этот герб осенял победы московского царства, а потом и российской империи на всем протяжении их исторического бытия; нашлось ему место и на гербе Санкт-Петербурга.

⁴ Имеем в виду серию книг, изданных в последние годы цюрихским издательством Ганса Рора, которые существенно дополнили наши знания о "Schweizer im Dienst des Zarenreiches" – "швейцарцах на царской службе", и в первую очередь, в Санкт-Петербурге.

Третью главу открывает изображение грифа – мифического существа с телом льва, но головою и крыльями орла. Передающая идею двойного прорыва в физическом и метафизическом пространстве, эта древняя эзотерическая эмблема была принята немецкими рыцарями в качестве герба средневековой Лифляндии. Во время Ливонской войны, она так полюбилась одному из русских военачальников, что он взял ее в качестве своей родовой эмблемы. Это решение оказалось на удивление дальновидным. Ведь сыну боярина, Феодору (в монашестве Филарету) довелось взойти на трон патриарха, а внуку, Михаилу Феодоровичу Романову – царя, то есть принять скипетры соответственно высшей духовной и светской власти.

Что же касалось грифа – или, как говорили у нас в старину, «птицы-львицы» – то его изображение было сохранено династией Романовых в составе своего родового герба вплоть до последнего дня существования «петербургской империи». С тем, чтобы отличить его от эмблемы Лифляндии, вместе с другими остзейскими землями вошедшей в состав Российского государства одновременно с Ингерманландией, был изменен цвет эмблемы и поля, грифу дан в левую лапу тарч с малым орлом, а весь герб окружен мрачной «романовской каймой», на черное поле которой были брошены восемь оторванных львиных голов.

Тексту *четвертой главы* предшествует изображение «железного креста», которое ассоциируется у нас с идеей германского милитаризма после событий как первой, так и второй мировой войны. Современные немцы продолжают относиться к этой эмблеме весьма позитивно, напоминая, что еще в 1813 году прусский король Фридрих-Вильгельм III положил ее очертания в основу ордена за участие в Освободительной войне против войск Наполеона. На основании аргументов этого рода, несколько измененный «железный крест» служит официальной эмблемой «нового бундесвера» по сей день.

* * *

Настоящая монография включает материалы работы, поддержанной Российским Фондом фундаментальных исследований, грант 00-06-80065. Автор сердечно признателен жене, Ирине Михайловне Спивак, принявшей посильное участие в редактировании рукописи и ее подготовке к печати.

* * *

Книга посвящена матери автора – блокаднице, прима-балерине Мариинского театра Нонне Ястребовой.

Глава 1. Древности – готские и франкские

Обратившись к тексту Повести временных лет, внимательный читатель сразу заметит, что немцам в ней особого внимания не уделено...

Едва дописав это предложение, автору приходится остановить свое перо, взявшее уже было разбег, и сделать необходимые оговорки. Прежде всего, *прародины* *обоих «племен-братьев одного индоевропейского происхождения»*, как их справедливо аттестовал замечательный наш историк С.М.Соловьев, *располагались поблизости друг от друга. Многочисленные, более или менее отчетливые следы первоначального соседства сохранились как в языках, так и в народной памяти восточных славян, равно как самих германцев.*

Кроме того, во времена, принадлежавшие седой древности уже с точки зрения древнерусского летописца, наши предки вошли в состав мощного племенного союза, сложившегося в причерноморских степях, и на землях, примыкающих к ним, от Днепра до Дуная, под верховенством германского племени готов.

Готские древности

Слова об «империи Германариха» или «державе готов», встречающиеся до настоящего времени в сочинениях историков германофильской ориентации, содержат вне всякого сомнения сильное преувеличение, питаемое в основном плодами геополитической фантазии старого готского хрониста Иордана, не обинуясь записавшего в состав подданных этой державы множество народов Восточной Европы, вплоть до древних пруссов, чуди и мери. Однако некое «протогосударственное» образование готам, несомненно, удалось создать, славянам же довелось сыграть самую активную роль как в его возвышении, так и упадке. Исторический контекст событий задан тем, что в первых веках нашей эры готы еще принадлежали балтийскому миру, занимая земли близ устья Вислы.

Любопытно, что к числу следов их пребывания на теперешних польских землях можно, повидимому, отнести и имя современного города Гданьска. Как это ни удивительно, в современной этимологии оно возводится к предположительно готскому топониму «*Gutisk-andja», значившему ни больше ни меньше, чем «Готский берег»⁵. Если это действительно так, то получается, что польское название города сохранило большую близость к исходному германскому имени, чем его традиционный немецкий вариант, а именно Данциг.

В начале третьего столетия готы снялись с насиженных мест и переселились на юг, в причерноморские степи. Там им предстояло разделиться на готов восточных и западных – иначе остготов и вестготов, известных также под принятыми ими образными названиями грейтунгов («людей степи») и тервингов («людей леса»), войти в тесные отношения с местными племенами и, наконец, на равных вступить в круг народов «циркумпонтийской цивилизации». Отметим, что в ходе переселения готы разведали водные пути от Балтики до Черного моря, скорее всего вверх по Висле (а также, возможно, Неману), и далее вниз по Припяти, либо другим притокам Днепра.

Помимо того, историки определенно предполагают, что готским купцам или путешественникам был издревле, еще до переселения в южные степи, известен и путь по Неве к Ладожскому озеру, а после того вверх по рекам Ладожского бассейна, и далее после минимального по длине волока – по притокам Волги на юг, вплоть до Каспийского моря (или, выражаясь на старинный манер, «из Венедского моря в Гирканское»). Мы обращаем внимание на эти обстоятельства, поскольку *тут едва ли не впервые просматривается реальная возможность пути «из варяг в греки», сыгравшего позднее такую роль в русской истории*.

Остготы, поселившиеся к востоку от Днепра⁶, достигли наибольшего могущества на новых местах уже в следующем, четвертом веке, под предводительством короля Германариха⁷. Легенда о гибели Германариха была записана уже упомянутым выше готским хронистом Иорданом. Согласно его рассказу, в число союзников готов входило племя, носившее имя росомонов. После измены одного из их предводителей, готский король приказал казнить жену предателя, которую звали Сванильда. Мстя за сестру, братья Сванильды подстерегли самого Германариха и убили его, вслед за чем, в соответствии с эпическими нравами, произошли изрядная катавасия и всеобщее избиение.

После анализа готской легенды и ее непосредственного контекста, современные историки пришли к выводу, что под упомянутыми ней «вероломными росомонами» следует понимать славянское племя росов (или русов)⁸. Что же касается Сванильды, то есть основания предпо-

⁵ Астериск здесь и далее маркирует формы, представляющие собой результат научной реконструкции.

⁶ Или же, по другим данным, Днестра, к западу от которого расположились, соответственно, вестготы.

⁷ В научной литературе встречается и транскрипция "Эрманарих".

⁸ С меньшей вероятностью – одно из племен североиранского происхождения, члены которого были союзниками сла-

ложить, что это имя представляет собой простой перевод на готский язык славянского имени, звучавшего приблизительно как Лыбедь, и известного нам по легенде об основании Киева.

На основании аргументов такого рода, историку остается заключить, что «первым свидетельством о росах можно условно считать рассказ Иордана...»⁹. Получается так, что, следуя за передвижениями древнегерманского племени, мы пришли к преданиям, составившим основание собственно русской истории.

К 375 году держава германцев разваливается под натиском гуннов, но сами остготы до времени вовсе не исчезают со сцены мировой истории. Напротив, ведя постоянные бои и сохраняя воинский дух, они уходят из причерноморских степей и перемещаются все дальше на юго-запад. Там-то в конце следующего столетия им и предстоит совершить самое славное из своих деяний. Мы говорим, разумеется, о завоевании Италии и основании на ее землях нового остготского государства под скипетром еще одного великого короля – Теодориха, оставшегося в истории также под именем Дитрих Бернский¹⁰.

След, оставленный остготами на новых местах, был очень глубок. Историк архитектуры вспомнит в этой связи о стоящем до наших дней на северо-восточной окраине древней Равенны монументальном, круглом в плане мавзолее Теодориха Великого. Ну, а этнограф расскажет, что доля остготской крови в жилах представителей знатных семейств Северной Италии, с тех пор была весьма значительной. Не должны были составлять в этом отношении исключения и юные жители «италийского Берна», то есть средневековой Вероны, которых звали Ромео Монтекки и Джульетта Капулетти, – если только они когда-нибудь существовали в действительности...

Участие остготов в русских делах на том пресекается, хотя этого нельзя сказать о связях обоих народов. Повидимому, определенное число русов, по преимуществу воинов, ушло вместе с готами, войдя в состав их боевых дружин. Еще какое-то количество, не только воинов, но также строителей и ремесленников могло присоединиться к гуннам, и позже прийти с ними на земли среднего Придунавья, где они снова встретились со старыми германскими союзниками¹¹. Во всяком случае, авентюра XXII Песни о Нибелунгах рисует картину блестящего шествия при гуннском дворе, в котором принимают участие воины всего окрестного мира – от русов до готов:

«То на дыбы вздымая своих коней лихих,
То снова с громким криком пришпоривая их,
Скакали русы, греки, валахи и поляки —
Бесстрашием и ловкостью блеснуть старался всякий»¹².

Многочисленные анахронизмы, характерные для Песни о Нибелунгах в том виде, который ей придал австрийский шпильман XIII века, просматриваются даже на материале нескольких процитированных нами строк. Однако историки литературы подчеркивают, что основное содержание событий пятого века, составивших ядро великого германского эпоса, сохранено верно, и за спинами «новых Нибелунгов» – куртуазных рыцарей времен Гогенштауфенов мая-

вян-росов.

⁹ Рыбаков Б.А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1993, с.90. Следует добавить, что структурно сходную гипотезу высказал еще М.В.Ломоносов в главе IX своей "Древней Российской истории", при разборе предания о Сванильде и ее братьях.

¹⁰ Имеется в виду, конечно, Верона, имя которой превратилось в произношении германцев в "Берн", а вовсе не Берн в позднейшей Швейцарии.

¹¹ О славянских плотниках в гуннской державе см.: Рыбаков Б.А. Искусство древних славян \ История русского искусства. М., 1953, с.81.

¹² Строфа 1339, перевод Ю.Корнеева. В следующей строфе эта картина развивается дальше: "... Вослед за их шумливаю и дикую ордою \ Бойцы из Киевской земли неслись густой толпою".

чат тяжелые, грузные очертания «Нибелунгов старых» – разумеется, в первую очередь бургундов, но во вторую – ближайших их родичей, остготов¹³.

Любопытно, что слово «немцы» употреблено в тексте старинной Песни всего один раз, а именно в строфе 1354 – притом, что старые названия всяких германских народов, таких, как бургунды или баварцы, упоминаются постоянно. Такое обстоятельство связано с замедленным сложением немецкой нации, уже нашедшим самое обстоятельное рассмотрение в научной литературе.

«В истории Германии мы постоянно встречаемся с саксонцами, турингами, франконцами, швабами, баварцами, и, в соответствие этому, мы знаем, что особенность, самостоятельность и сила племен были причинами того, что государственное единство Германии стало невозможно, о чем плачут теперь немецкие патриоты», – с некоторым высокомерием жителя сильного централизованного государства заметил в начале XIII тома своей знаменитой «Истории России с древнейших времен» С.М.Соловьев. По иронии истории, тринадцатый том писался в середине XIX века: плакать немецким патриотам оставалось совсем недолго – что же казалось плодов объединения Германии, то они оказали определяющее влияние на ход следующего, XX века...

Мы же отметим, что эпоха «готского величия», от Германариха до Теодориха, может вне всякого сомнения рассматриваться как «осевое время», существенно важное для формирования духовного склада немецкой нации – в первую очередь, через посредство ее героического эпоса. *Следует предположить, что в ходе культурных контактов остготов с русами, германцы ознакомили наших предков со своей мифологией*. Поэтому, когда через пять столетий после готов, другие германцы, и тоже потомки их близких родичей (скандинавов) – варяги – стали обосновываться на Руси, и разматывать сюжеты своего древнего баснословия о кладе двух братьев-нибелунгов и о герое Сигурде – убийце дракона, эти рассказы могли напоминать славянам нечто давно слышанное и сохраненное «на окраине» коллективного подсознания¹⁴.

Заметим, что ранние магические контакты между обоими народами были также вполне вероятны. Об их возможности говорит знаменитая находка 1858 года, сделанная на Волини, близ города Ковель. Она представляла собой железный наконечник копья, покрытый древними рунами, передающими звуки какого-то восточногерманского (то есть родственного готскому), а возможно, на диалекте и самого готского языка, и инкрустированными серебром магическими знаками. Надпись, к сожалению, очень коротка. Она была сделана в III столетии, то есть как раз во время великого переселения готов в Причерноморье, читается как «TILARIDS» и расшифровывается примерно как «нападающий».

Что же касается знаков, то удивляет разнообразие их типов. На сохранившейся прорисовке мы различаем крестообразные структуры (одна в форме косоугольного «андреевского» креста и другая, близкая к левосторонней свастике), круг с точкой посередине (несомненно, солярный символ), знак треугольного вида, похожий на схематизированное изображение хлебного колоса, и, наконец, двусложный знак округлого вида, толкуемый в настоящее время как так называемый «знак молнии»¹⁵. Все вместе подразумевало, повидимому, заклятие сил неба и земли, долженствующее помочь в битве владельцу копья.

В конце XIX века ковельская находка исчезла, позже появилась снова, и, кажется, даже экспонировалась в 1939 году в Варшаве. Затем она попала в руки немцев, и была формально передана в Германский археологический институт «для дальнейшего изучения». Проводили ли кто-либо с ней магические манипуляции и какого именно рода, сказать трудно. Учитывая

¹³ Гуревич А. Я. Песнь о Нибелунгах \ Беоульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975, с. 707–710, 731–734.

¹⁴ Напомним, что существование в далеком прошлом "когда-то единого гото-скандинавского ареала" не вызывает сомнения у ученых, находя себе подтверждение прежде всего в данных сравнительно-исторического языкознания (подробнее см.: Арсеньева М.Г., Балашова С.П., Берков В.П., Соловьева Л.Н. Введение в германскую филологию. М., 1980, с. 81–82).

¹⁵ Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 1977, с.135, 264.

большой интерес нацистов к древним реликвиям (начиная со знаменитого венского «Копья судьбы»), вполне исключить этого мы не можем. Как бы то ни было, но в конце войны неизвестный любитель древностей озаботился тем, чтобы снова припрятать «Ковельское копье» в надежном месте...

Еще меньше известно о том, до какой степени древние готы знакомили славян со своей боевой магией. С одной стороны, оба народа (точнее, группы племен) держались настороже, почему о глубоком культурном симбиозе говорить в данном случае не приходится. Не случайно же современное русское слово «чужой» по прямой линии восходит к древнему готскому слову «*fiuda*» (народ). Ученые предполагают, что, встречаясь со славянами, готы могли для простоты называть себя именно так¹⁶.

С другой стороны, славяне с самых ранних времен вливались в состав готских дружин, активно перенимая у них типы вооружения и боевые приемы. Язык сохранил свидетельства и об этой области культурных контактов. Достаточно сказать, что такие наши современные слова, как «шлем» и «меч» восходят к древним заимствованиям из того же готского языка, в котором они звучали соответственно как «*hilms*» (или «*helms*») и «*mēki*». Между тем, заклинание оружия и брони перед битвой, несомненно, входило в состав воинского искусства того времени.

Сохранившиеся исторические источники в принципе позволяют увеличить число примеров такого рода. Но было у готов одно культурное достижение, которое оказалось несравненно более важным для славян. Мы говорим о святом крещении, принятом ими по византийскому обряду, о составлении готской азбуки на основе греческого алфавита в его поразительно изящном унциальном начертании, и о переводе с ее помощью на готский язык богослужебного греческого канона.

Все эти события произошли очень быстро даже по современным меркам. Решающую роль в крещении и первоначальном просвещении готов в середине III столетия по рождестве Христовом сыграл один человек, ставший первым готским епископом – мудрый Вульфила (само это имя было языческим по происхождению, и означало просто «волчонок»).

Известие о крещении готов и изобретении ими оригинальной азбуки распространилось со временем среди славян. В главе XVI Жития Константина Философа, содержится рассказ о знаменитой «триязычной ереси». Речь в нем идет о трудном диспуте, который славянские первоучители Кирилл (Константин) и Мефодий с блеском провели в Венеции. Противники славянской письменности утверждали, что письменность следует иметь только на трех священных языках, а именно древнееврейском, греческом и латинском, использованных Пилатом для надписи на Кресте Господнем.

В ответ Философ сослался на солнце, которое посылает свои лучи всем людям без изъятия, на дождь, который несет всем свою влагу, а также на пример древних народов, заведших собственную письменность. Это суть «Армени, Перси, Авазги, Иверии, Сугди, Готьи», и так далее по порядку. Армяне и персы опознаются современным читателем сразу, под «авазгами» следует понимать современных абхазов, «иверии» – это грузины, «сугды» – иранское по происхождению племя сугдейских аланов. Что же касается готов, то, как мы видим, они занимают почетное шестое место в этом списке, включающем имена двенадцати славных народов.

¹⁶ Заметим, что то же самое слово в древневерхненемецком языке звучало как "thiod(a)". От него и произошло прилагательное "tiutsche", которым примерно с XI столетия немцы стали все чаще себя называть, подразумевая весь свой народ, – в противоположность старым, восходящим еще к племенному делению, прозваниям типа "баварцы" или "саксы". От этого слова в свою очередь произошло хорошо нам известное современное слово "deutsch" (немецкий). Итак, слова "чужак" и "Deutsche" восходят в конечном счете к одному общегерманскому корню, как в это сегодня ни трудно поверить... Любопытно, что семантическое поле этнонима "Deutscher" (немец) продолжает и для современного немецкого ума включать в себя древневерхненемецкую коннотацию. По крайней мере, так полагал писатель Герман Кант, довольно подробно описавший в одном из своих романов, вышедшего в 1977 году, ассоциации, вызываемые у современного немца словом "Deutscher" (текст соответствующего отрывка с переводом на русский язык и интересным лингвосомиотическим комментарием см. в кн.: Пиотровский Р.Г. Лингвистический автомат (в исследовании и непрерывном обучении). СПб, 1999, с. 62–65.

Другой вопрос, дошли ли сведения о письменности готов до Константина Философа прямо от них, либо же через посредство славян, а если от этих последних, то от кого именно – то ли от южных, солунских славян, то ли от славян восточных, которые вполне могли сохранить какие-то связи со своими давними соседями и союзниками, либо воспоминания об их деяниях. Память такого рода могла оживляться сношениями русичей с теми остатками готского племени, которые никуда не ушли, а просто набрались духа, переждали нашествие гуннов, и стали заниматься более или менее успешной торговлей, опираясь на свои крымские базы.

Дело ведь в том, что Крым до недавнего времени был уникальным заповедником, на пространствах которого, в горных ущельях или в приморских городах, оседали и столетиями сохраняли свою культуру и обычаи остатки десятков народов, сам след которых давно изгладился в других местах земного шара. Именно это случилось и с готами.

На западе этот народ давно прошел пик могущества, уступил другим, был забыт и полностью растворился в составе других народов, таких, как позднейшие итальянцы, французы, испанцы. А здесь, в благословенном жарком Крыму, они продолжали тихо существовать, пересказывать старинные предания, молиться и говорить в быту на своем древнем северном языке.

Эти готы были русским очень хорошо знакомы. «Се бо готския красныя девы въспша на брезе синему морю, звоня рускым златом; поют время Бусово, лелеют мечь Шароканю», – нараспев говорил автор Слова о полку Игореве в XII веке. Современные комментаторы понимают эти слова так, что любое поражение русских сразу обогащало крымских готов рабами и добычей, почему «готские девы» и ликовали на своем берегу. Мы же отметим, что пели они на своем языке «время Бусово», то есть древнейшие времена, доступные этнической памяти русских¹⁷.

Еще через четыре столетия, фламандский путешественник О.Г. де Бусбек, добравшись до Крыма, долго не верил своим ушам, улавливая германские корни в речи своих местных собеседников, потом взял тетрадку и записал ее образцы. Запись сохранилась, а современные германисты с изумлением разобрали в ней 68 слов не особенно даже изменившегося за прошедшие почти полторы тысячи лет древнего готского языка, и именно в его восточном (остготском) варианте...

В наши дни уже трудно надеяться на встречу с носителями живой готской речи. Хотя кто знает – может быть, в то время, как пишутся эти строки, где-нибудь в Феодосии или в Судаке бабушка напевает внуку колыбельную на полузабытом крымско-готском наречии, или же знахарь заговаривает рану, пользуясь его древними оборотами. Почему бы и нет – «Aufto!» (пожалуй)¹⁸, как сказали бы на своем звучном языке сами готы.

В любопытной статье 1925 года, посвященной культурным традициям Крыма, Максимилиан Волошин, вообще обладавший удивительной исторической интуицией, замечает: «Мне довелось однажды пробродить несколько дней по одной из „Сиерр“ Старой Кастилии, в таком глухом горном углу, куда никогда не проникали мориски и где охранился поэтому чистый кастильский, т. е. визиготский¹⁹ тип. И каково же было мое изумление, когда я увидел все элементы Крымской Яйлы на этой „Сиерра ди Панкорбо“, отделяющей Старо-Кастильское плос-

¹⁷ Оговоримся, что в этом фрагменте могли отразиться воспоминания и о более раннем "Готском берегу" на южном побережье Балтийского моря близ устья Вислы. Нельзя вполне исключить и того, что речь шла о жителях балтийского острова Готланд, поддерживавших весьма активные торговые связи с Русью времен написания Слова (во многих текстах, включая и Повесть временных лет, у нас их могли тоже звать "готами"). Некоторые авторитетные историки, кстати, предполагают, что до переселения готов на южный берег Балтики, они скорее всего и занимали этот самый остров Готланд, что в таком случае прямо отразилось в его названии (Гот-ланд – "земля готов"). Аналогично, название недалеко от него расположенного (и, как мы помним, воспетого Карамзиным) острова Борнхольм объясняется как происшедшее от древнедатского "Burghandæholm", что значит просто "остров бургундов" (бургунды – ближайшие родственники готов, тоже переселившиеся позднее к устью Вислы).

¹⁸ Произносилось примерно как "офто".

¹⁹ То есть вестготский – Д.С.

когорье от долины Эбро, а в чертах ее населяющей расы и даже в некоторых подробностях костюма узнал крымских татар области Горной Готии»²⁰...

Возвращаясь к эпохе крещения готов, нам остается заключить, что пример их славянским первоучителям стал известен, – и даже не только известен, но включен в число образцов, которым грех было не следовать. Ситуация ускоренного, «догоняющего» освоения достижений передовой культуры с тех пор стала едва ли не архетипической для славянства, и повторялась периодически вплоть до эпохи реформ Петра Великого, а в некотором смысле и нашего времени. То, что к ее формированию приложили руку и готы – весьма поучительно.

Славяне Восточной Европы соприкоснулись, таким образом, с культурой восточных германцев достаточно рано. Скоро готы покидают пределы причерноморских степей и уходят на запад. Там, как мы уже говорили, они вполне растворяются в народах Западной Европы, оставив наиболее заметную память о себе разве что в названиях ломаного «готического» шрифта, знаменитого «готического» стиля²¹ – и в курсе готского языка, составляющего весомую часть образования любого серьезного германиста.

*Haban – habaida – habaiþs,
bindan – band – bundans,
slahan – slōh – slahans...*

Даже читатель, совсем немного знакомый с немецким языком, легко опознает в этих словах древнего готского языка корни, знакомые ему по современным немецким глаголам «haben» (иметь), «binden» (связывать), «schlagen» (бить). Действительно, приведенные выше, выделенные курсивом готские глаголы и значили приблизительно то же самое. Что же касается приведенных через тире после каждого готского глагола слова, то вместе с ним они составляют те самые канонические «три формы», к заучиванию которых привыкли студенты, изучающие любой из важнейших германских языков²².

Такое положение неудивительно, поскольку практически все германские языки так же близки друг к другу, как и славянские – в пределах своей языковой группы. При всей этой близости, готам довелось принять лишь самое небольшое участие в сложении немецкой народности, которая исторически принадлежит миру западных германцев.

²⁰ Волошин М.А. Культура, искусство, памятники Крыма \ Idem. Коктебельские берега: Стихи, рисунки, акварели, статьи. Симферополь, 1990, с.218. Под Готией в краеведении Крыма традиционно понимается юго-западная часть полуострова, а также его южное побережье.

²¹ Употребляем кавычки, поскольку к историческим готам оба этих явления, как известно, ни малейшего отношения не имели. "Готический" шрифт был разработан не ранее середины XI века на основе так называемого каролингского минускула. Что же касается "прекрасной готики", то этот второй "большой стиль" в истории средневековой Европы был выработан и доведен до высокого совершенства – в первую очередь в архитектуре – к XII веку, прежде всего во Франции.

²² Как помнит читатель, это: инфинитив – немецкий имперфект (английское Past Indefinite) – и "партицип-цвай", он же причастие II... Оговоримся, что в курсах готского языка к ним добавляется еще и так называемая "четвертая форма", а именно множественное число прошедшего времени. Для приведенных глаголов она звучала соответственно как "habaidēdum" (имели), "bundum" (связывали) и "slōhum" (били).

«Каролингские немцы»

Ингвеоны, иствеоны, герминоны²³, – названия этих трех групп западногерманских племен двухтысячелетней давности похожи на звук боевой трубы... С перечисления этих этнонимов начинается по сей день один из центральных разделов курса «Введение в германскую филологию» в большинстве университетов мира. Автору довелось слушать этот курс у нашего замечательного филолога и теоретика мифа, профессора Ленинградского университета Михаила Ивановича Стеблин-Каменского. Громко и выразительно артикулировав эти прославленные имена, прославленный лектор выдержал паузу, а затем сразу перешел к описанию их исторических судеб, без всякого преувеличения сформировавших основное русло средневековой истории Западной Европы.

Действительно, ингвеоны – это в первую очередь англ и саксы. Именно они дали начало «англо-саксонской цивилизации», процветающей и по сей день на территории Англии. Значительная часть франков (исторически иствеонов) обосновалась на территории позднейших Франции и Бельгии, где слилась с галло-римлянами, и вошла в состав формирующейся французской народности. Наконец, основная часть франков вместе с эрминонами (прежде всего швабо-алеманнами и баварами) составила немецкую народность, ставшую с ходом времени немецкой нацией. Вот об этих-то немцах и идет речь в знаменитом перечне народов, открывающем Повесть временных лет.

Как мы помним, земля в этом списке разделяется на уделы Сима, Хама и Иафета. О первых двух говорить здесь не будем; что же касается последнего, то в этом уделе «сеять русь, чудь и вси языци: меря, мурома, весь, морьдва», с рядом других народов Восточной Европы. Перечень продолжают ляхи и пруссы, тяготеющие к «морю Варяжскому»; и, соответственно, давшие ему свое имя скандинавы-варяги, которые по сему морю сидят вплоть до «земли Агнянской» (то есть Английской). В заключение списка назван еще ряд народов, теперь уже исключительно Западной Европы, в число которых включены и «немцы, корлязи».

Здесь нужно заметить, что немцами у нас исстари могли называть представителей любого чужого народа, говоривших «не по-нашему». Однако же постепенно это имя закрепилось лишь за одним германским народом, и именно тем, который мы называем немцами по сей день. В науке даже было высказано смелое предположение, что в самом словаре славянских языков сохранилось исконное противопоставление «немцы – славяне», и именно по тому признаку, что первые-де не обладают даром слова (они, так сказать, «немы»), вторые же им обладают вполне (то есть «владеют словом», и потому называют себя «слов-ене, слав-яне»).

Симметричность и простота этой гипотезы весьма привлекательны, она опирается на ряд источников, восходящих к XIV веку. Известно также, что ее придерживались некоторые видные слависты XIX века, включая самого Павла Шафарика. Том его «Славянских древностей» по сей день используется в славистике, служа многим исследователям как настольная книга. Однако же большинство современных ученых, по ряду достаточно весомых причин, не находят возможным принять высказанную гипотезу. Главнейшая из них состоит в том, что «славянский суффикс „-ѣn, – ѣnъ, – jānъ“ всегда указывает на принадлежность к определенной местности, и что, следовательно, наименование словенин должно было быть образовано от названия местности (Слово?), названия, которое, к сожалению, нигде не встречается»²⁴...

Наше внимание привлекает то, что в части, касающейся народов Прибалтики и северной Руси, летописец весьма обстоятелен. От его внимания не ускользают ни латгалы, ни ямь, ни

²³ Возможна и форма "эрминоны".

²⁴ Нидерле Л. [О жизни славян в древности] \ Сугрун А.Е., Калюта А.М. Введение в славянскую филологию. М., 1981, с.171.

«чудь заволочская». Что же касается немецкого народа, то здесь летописец, напротив, более чем краток: немцы входят в число народов, живущих на юг от Балтийского моря, и более ничем не примечательны.

Такое впечатление подтверждается помещенным несколько ниже по тексту описанием пути «из греков в варяги» (и обратно). Маршрут начинается путешествием по Днепру, дальше по Ловоти, «великому озеру Ылмерь», оттуда по Волхову в другое «великое озеро» – Нево²⁵, и, наконец, в «море Варяжское». Казалось бы, дальше должно было следовать описание балтийского отрезка пути, земель в устье Вислы и Эльбы, Саксонии, а с нею, возможно, и иных немецких земель. Однако добравшись до «моря Варяжского» наш летописец теряет всякий интерес к детальному описанию маршрута, и ограничивает себя сухим замечанием, что-де по тому морю идут до Рима, а потом «ко Царюгороду».

Совершенно аналогично еще ниже по тексту Повести, в описании знаменитого путешествия апостола Андрея, читаем о том, как герой проповедует в Синопе и посещает Корсунь, плывет вверх по Днепру, осматривает местности, где позже будут поставлены города Киев и Новгород. После этого достаточно подробного описания с интересными отступлениями опять-таки сказано только, что апостол отправился «в Варяги», оттуда же прямо на Рим. Как видим, сам текст подводит нас к тому заключению, что *немцы на Киевской Руси были известны, однако представлялись ее идеологам и политикам принадлежащими скорее периферии, нежели центру культурного мира.*

Если с немцами в списке народов в общем все ясно, то имя «корлязи» произвело у исследователей некоторое замешательство. Разобрав ряд возможных вариантов, современная историческая наука пришла к той конъектуре, что в оригинальном тексте между словами «немцы» и «корлязи» никакого знака препинания скорее всего не стояло. Соответственно, летописец имел в виду просто «немцев каролингских», решив так для точности назвать немцев, являвшихся подданными королей из династии Каролингов²⁶. Для полного понимания этой ремарки нам придется совершить краткий экскурс в историю империи Каролингов и их преемников.

Начала франкской державы теряются во тьме веков, а их история читается как глава из Толкиена... Кто, кто кроме узких специалистов, помнит сейчас о стране Австразия, где в старину располагались племена франков²⁷, о сказочном короле Мерове²⁸, основавшем первую династию франкских королей, или о подвигах третьего представителя этой династии, вполне уже исторического Хлодвиг. Он подчинил власти франков большую часть тогдашней Галлии, и крестил свою молодую державу в 496 году по рождестве Христовом²⁹.

Следующая важная дата во франкской истории – 800 год. На севере франки владеют обширными землями от Ламанша до Эльбы, на юге – от Бискайского залива до Адриатики, то есть распоряжаются на большей части территории бывшей Западной Римской империи. На троне франкского государства сидит уже новая династия – Каролинги, названная так не по ее фактическому основателю – хитрому австразийскому майордому³⁰ Пипину Геристальскому, а по самому блестящему представителю – Карлу Великому. Заметим впрочем, что «Каролинги», пожалуй, звучит благозвучнее, чем «Пипининги».

²⁵ Под "Ылмерем" следует понимать озеро Ильмень, а "Нево" – это, конечно, Ладожское озеро.

²⁶ Лихачев Д.С... Комментарии \\\ Повесть временных лет. СПб, 1996, с.384.

²⁷ Теперь эта территория лежит в основном в пределах Бельгии и Северной Франции.

²⁸ Это имя на франкском языке буквально значило "рожденный морем". Отсюда и название основанной им династии – Меровинги.

²⁹ Любопытно, что в своем продвижении на юг франки столкнулись с уже знакомыми нам готами, занимавшими к тому времени Аквитанию и Прованс, и разгромили их в пух и прах.

³⁰ Так звучал титул вельможи при дворе Меровингов, примерно соответствовавший нашему премьер-министру. Пипин был последним из череды майордомов, постепенно избавивших своих королей от бремени государственных дел, вплоть до сидения на троне. История помнит немало таких майордомов. "Урок царям"!

Простой в обращении, не отличавшийся по одежде от простых франкских дружинников, Карл очень серьезно относился к блеску «римского наследия». Он сделал все для того, чтобы заставить папу возложить на себя корону «императора римлян» – или, как говорили тогда, «Отца мира» (*Patris mundi*), – что было трудно, поскольку вне всякого сомнения подразумевало претензию на «всемирную монархию» и первенство в масштабе тогдашнего мира.

Именно это и произошло в Латеранской церкви, в Риме, на Рождество 800 года. Естественно, что коронование вызвало во «Втором Риме» – Константинополе, столице державы, непосредственно и законно продолжавшей традицию настоящих римских императоров, немалое удивление, и даже беспокойство. Более чем бережливый по натуре, Карл Великий тогда пошел на то, чтобы уступить византийцам часть своих земель, и притом далеко не худших, лишь бы добиться от них признания своего императорского титула. Будучи сам неграмотным, Карл уделил немалые силы заботам если не о процветании наук и искусств, то об их хотя бы частичном восстановлении.

Не прошло и полувека после римской коронации, как империя Карла распалась. Императорский титул передавался его преемниками от одного к другому, как признание силы – или как компенсация слабости. К началу X века он утратил значение и практически исчез. Как бы то ни было, но предпринятая франками эпохи Карла Великого попытка возрождения величия «Первого Рима» стала с тех пор образцом для действий честолюбивых потомков. Даже в наши дни премия Карла Великого принадлежит в числу самых престижных международных отличий. Она присуждается Европейским сообществом политикам, более других способствовавшим процветанию «объединенной Европы».

Напомним, что, выделяя в истории мировой культуры шесть «больших, эпохальных обращений к античности», Д.С.Лихачев на первом по времени месте поместил именно «Каролингский ренессанс». Высказаны и другие периодизации «возрождений» (или, точнее говоря, «относительного усиления культурных процессов»). К примеру, В.И.Уколова объединяет «каролингское и оттоново возрождения», противопоставляя оба двум более ранним германским, «остготскому и вестготскому возрождениям» VI – начала VII столетий³¹. Однако эпохе Карла Великого отводится в таких схемах, как правило, почетное место.

Вот почему киевский летописец, писавший уже в иной культурно-политической ситуации³², был в сущности прав, припомнив о первостепенной важности «каролингского наследия» именно для немецкого народа. Примерно так российский политический деятель эпохи Николая I мог с чистой совестью относить к себе имя «петровец», подтверждая тем верность своего поколения делу основателя и «Отца Отечества»³³.

³¹ Уколова В.И... Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – начало VII века). М., 1989, с.6.

³² Тексту Повести временных лет был придан известный нам в настоящее время заверченный вид в начале XII столетия. Что же касалось династии Каролингов, то она окончательно потеряла власть задолго до того, еще в первой четверти X столетия.

³³ Пример с более близкими нам по времени "верными ленинцами" 1970-х годов так и просится на бумагу; дадим ему место хотя бы в примечании.

Империя Оттонов

Границы раздела империи Каролингов следовали в общих чертах складывавшейся в те времена новой этнической карте Европы. Основным населением Западно-Франкского государства были потомки франков и галло-римлян, в массе своей перешедшие уже на романский, а именно старофранцузский язык³⁴. Напротив, Восточно-Франкская держава объединяла потомков чисто германских племен, большинство из которых говорило на диалектах формировавшегося в то время единого немецкого, точнее – древневерхненемецкого³⁵ языка (*das Althochdeutsche*).

Есть все основания утверждать, что сложнейший и играющий по сей день исключительно важную роль в судьбах Западной Европы историко-психологический комплекс взаимного притяжения и отталкивания французов и немцев по сути восходит ко временам распада каролингской державы. Само же Германское³⁶ государство ведет свою родословную в строгом смысле слова от Восточно-Франкской державы, образованной как следствие Верденского договора 843 года.

Уже в ходе следующего, десятого столетия германские короли достигли впечатляющих успехов. Собственно, общий курс их действий был уже задан и опробован на практике во времена Карла Великого³⁷. Он подразумевал организацию сильного войска, обуздание власти герцогов (чаще всего стоявших во главе старых племенных областей), централизацию управления страной – и, разумеется, принятие из рук римского понтифика императорской короны (неизменно сопровождавшееся более или менее принудительным опустошением казны богатеньких итальянских городов). Действительно, именно названные задачи определили основные направления внутренней и внешней политики Оттонов – трех великих королей новой, Саксонской династии.

Оттон I восстановил на апостольском престоле папу римского, и был в знак признательности на следующий год (962) коронован им в Риме как император. Соответственно, с этого времени мы уже можем говорить о Германской империи. Оттону II сосватали племянницу императора Византии. Таким образом, новая, варварская империя получила признание от древней империи византийской, вступив в прямую династическую связь с повелителями «Второго Рима».

Наполовину ромей (византиец) по крови, Оттон III совершенно всерьез именовал себя на ромейский манер «царем царей», и вообще деятельно вводил при своем дворе византийские титулы и ритуалы. Но его мечты шли значительно дальше простой имитации. Третий Оттон мечтал о создании «всекаатолической империи» под скипетрами германского императора, и, разумеется, покорного ему римского папы. Тут нужно видеть программу воссоздания на берегах Рейна и верхнего Дуная системы равновесия («симфонии») духовной и светской власти, в том виде, какой она приняла на берегах Босфора.

В стране развивается правовое сознание, формируется свод законов, устанавливается система сбора налогов, защиты имущества, судопроизводства. Существующие города разрастаются и частично перепланируются, основываются новые. В них выделяются кварталы ремесленников и купцов, работают византийские зодчие, применяющие передовые приемы архитек-

³⁴ Любопытно, что Франция до сих пор называется по-немецки "Frankreich", что, означает, собственно, "Рейх Франков".

³⁵ "Верхне-" в противоположность группе нижненемецких диалектов, восходящих к племенным языкам ингвеонов, и распространенных на севере Германии.

³⁶ Имя "германский" восходит к латинскому слову "germanicus", произведенному в свою очередь от корня, заимствованного древними римлянами из одного из кельтских языков.

³⁷ Заметим кстати, что и русское слово "король" восходит прямо к имени Карла Великого – по всей вероятности, при посредстве древневерхненемецкого языка.

туры и градостроительного искусства. Под присмотром церкви развивается письменность, в том числе переводы классических сочинений на национальный язык.

Мы говорим, разумеется, о германских землях. Однако практически в тех же словах смогли бы мы рассказать и о другой великой державе, вошедшей в пору расцвета почти одновременно с оттоновой империей. Это, конечно, Киевская Русь. Оговоримся, что есть и различия. К примеру, Владимир был и крестителем своей страны (как Хлодвиг за пять столетий до него), и ее объединителем (как Карл Великий), и дипломатом, добившимся ее признания «великими державами» своего времени, в первую очередь византийцами (как Оттоны). У нас история идет быстрее, время как будто сжимается. Заметим, что и феодальная раздробленность, практически развалившая Германию только к XIII веку, у нас началась уже при внуках князя Владимира Святославича.

И все же сходство между «новыми» державами неоспоримо. В обеих идут однонаправленные социально-политические процессы. Одна занимает доминирующее положение в Западной Европе, другая – в Восточной. Близки даже их размеры, да и «меридиональное» положение на географической карте, вдоль великих водных путей, примерно по оси «север-юг».

Две этих северных, «варварских» империи, вместе с южной империей – древней Византией – и стали «определять погоду» на европейском континенте. Как справедливо заметил историк, в эту эпоху «в Европе стало три монарха самого высшего ранга: цесарь Византии, император „Священной Римской империи“ (Германия) и цесарь (царь) Руси, великий князь Киевский»³⁸.

³⁸ Рыбаков Б.А... Язычество Древней Руси. М., 1987, с.456. Заметим только, что имя Священной Римской империи вошло в употребление не при Оттонах, а позже, начиная со времени Фридриха Барбароссы.

«Из немец в хазары»

Особенность сосуществования Германской империи и Киевской Руси – в том, что между ними простиралась обширная «буферная зона», они не соприкасались непосредственно (в отличие от Византии, земли которой граничили с владениями германского императора в Южной Италии). Между нами и немцами, как и сейчас, лежали земли западных славян, на части которых в ту же эпоху интенсивно формировались собственные национальные государства – Польша и Чехия; еще южнее шли земли воинственных венгров и южных славян.

А севернее располагались просторы Балтики. Однако в ту пору немцы еще не были так сильны, чтобы мериться на ней силами с норманнами... Нельзя забывать и того, что практически до XII столетия немцы к востоку от Эльбы не жили, и появлялись только эпизодически, в качестве купцов или миссионеров. Там пока жили многочисленные и весьма воинственные племена полабских и поморских славян³⁹. Вот почему немцы так долго оставались для русских народом, живущим «далече», «за синим морем»⁴⁰. Потому-то и Повесть временных лет говорит о немцах как о народе известном, но живущем неблизко.

Вместе с тем, «буферная зона» редко когда разделяет народы герметически. Гораздо чаще она служит как среда, допускающая ограниченные влияния и контакты, и даже способствующая их развитию. Именно так и произошло, причем среди контактов специалисты ставят на первое место торговый транзит, как это происходило на пути «из варяг в греки». Спору нет, историческое первенство этого великого пути для организации геополитического пространства Древней Руси неоспоримо. И все же историки подчеркивают исключительную важность того, что «в первом приближении» можно назвать *путем «из немец в хазары»*.

Аргументы в пользу такой инновации включают многочисленные свидетельства о постоянном перемещении караванов по маршруту «Киев – Краков – Прага – немецкие земли», и далее по всей Западной Европе, вплоть до Кордовы. К ним добавляются данные исторической географии, в число которых входит тот факт, что ряд однонаправленных водных путей обычно дополнялся по меньшей мере одним-двумя сухопутными, пересекающими их «под углом девяносто градусов»⁴¹. В итоге получалась сеть связей, весьма облегчающая сообщение между соседними, и даже далеко отстоящими друг от друга ландшафтными зонами.

Повидимому, именно это и произошло в средней Европе, причем достаточно рано, не позже девятого века. Следовательно, в распоряжении обеих «новых империй» должен был быть уже обустроенный ко времени их сложения, достаточно надежный «канал связи», следы использования которого и имеет смысл искать в ранней истории наших государств. Такая работа уже началась, и дала достаточно явные плоды. Как резюмировал историк А.В.Назаренко, посвятивший специальную обзорно-аналитическую работу интересующей нас проблеме, «древнейшие русско-германские в собственном смысле связи ограничиваются южнонемецкими землями»⁴².

Учитывая аргументы этого рода, приходится говорить о возможности того, что *«империя Рюриковичей» сложилась не просто вокруг пути «из варяг в греки», но и на его пересечении с*

³⁹ Любопытно, что предки части из них пришли в древности на южный берег Балтийского моря, чтобы занять земли, оставленные восточными германцами ради переселения на юг (об эпизоде этого переселения, связанном с появлением готов в Причерноморье, мы коротко говорили выше).

⁴⁰ Оговоримся, что цитированные слова взяты из текста XIII века, повествующего об исторической катастрофе Киевской Руси (а именно, из Слова о погибели Рускыя земли).

⁴¹ Примерно так радиальная структура современного метрополитена рано или поздно дополняется хотя бы одной "круговой линией".

⁴² Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. \\\ Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994, с.15.

путем «из немец в хазары». Вопрос теперь состоит не в том, можно ли сравнивать влияние обоих путей, а в том, будет ли корректно продлевать такое сравнение в сферу религиозной, метафизической мысли. Нельзя же сомневаться в том, что именно по первому из этих путей пришло на Русь христианство, бесспорно составившее духовную ось древнерусской цивилизации.

Не ставя под сомнение верность этого общепринятого утверждения, мы обратим внимание на слова одного из ведущих отечественных русистов, отнюдь не склонного к преувеличению роли западных влияний. По мнению О.Н.Трубачева, «*знакомство с христианством дошло до Руси с Запада, но крещение пришло на Русь с Юга*»⁴³. В поисках сведений, современных крещению Руси, или более близких к нему по времени, мы снова обратимся к Повести временных лет – и обнаружим, что древний наш летописец, вообще молчаливый относительно немцев по любым другим поводам, на этот раз становится словоохотливым.

⁴³ Трубачев О.Н. В поисках единства. Мысли по случаю тысячелетия русской культуры \ Прометей. Историко-биографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". Том 16: Тысячелетие русской книжности. М., 1990, с.25. Авторская разрядка заменена нами в цитате курсивом.

«Немецкая вера»

Предание о крещении Руси распространяет его предысторию на несколько лет. Под «летом 6494» (то есть 986 годом по нашему летосчислению) помещен рассказ о том, как к князю Владимиру пришли представители разных религий и убеждали его принять свою веру. Это – магометане, «немцы от Рима», иудеи, и, наконец, посланный православными греками Философ, представленный коим довольно скучный – по крайней мере, с точки зрения обращающего язычника – синопсис Священного Писания занимает основное пространство рассказа.

Заметим, однако, что, прежде чем пересказывать священную историю, Философ дает короткую характеристику каждой из вер. В частности, о вере «немцев от Рима» сказано так: «Слышахом же и се, яко приходиша от Рима поучить вас к вере своей, *ихъ же вера маломъ с нами разъверашена...*». Иными словами, различия «греческой» и «римской» веры рассматриваются Философом как незначительные. Ввиду важности фразы, выделенной нами курсивом, приведем и ее дословный перевод, выполненный Д.С.Лихачевым: «Вера же их немного от нашей отличается...».

Там, где мы завершили цитирование оригинального текста многоточием, добавлено краткое описание основного различия («служения на опресноках», с отсылкой к евангельскому тексту). С точки зрения средневекового читателя, это, конечно, не малозначительная деталь. Однако сразу видно, что догматические различия и политические расхождения между христианским Западом и Востоком, накопившиеся ко времени написания Повести – тем более в эпоху крещения Руси – пока отнюдь не достигли «критической массы».

Мы ведь привыкли отсчитывать решительное разделение церквей от 1054 года, совсем забывая о том, что для современников дело выглядело совсем по-другому. Психологический разрыв произошел гораздо позже, через добрых два века, когда крестоносцы взяли Константинополь, и повели себя там как в столице басурманского царства, занимаясь грабежом и осквернением православных святынь...

Пока же отношения были более или менее прохладными, однако совсем враждебными их назвать было нельзя. Во всяком случае, западное христианство было включено древнерусским летописцем в список важнейших религий, а из них – наиболее близкая к православию, и представлял ее немец. Что же касалось до «испытания вер», то в 986 году оно завершилось не выбором, но вздохом Владимира Святославича, и его замечательной репликой «Подожду-ка я еще немного» (в оригинале стоит выразительный фразеологизм «Пожду и еще мало»).

Неспешность и рассудительность в выборе веры понятны. Однако и в следующем, 987 году, колебания продолжались. Призвав к себе «бояр своих и старцев своих градских», Владимир посоветовался с ними, и решил послать в разные страны «славных и умных мужей», снова для «испытания вер». Для наблюдения католической веры (названной в тексте «немецким законом»⁴⁴) были избраны немецкие земли. Отчет об их посещении краток, но очень интересен. Вот он: «И придохом в Немци, и видехом в храмах многи службы творяща, а красоты не видехом никоеяже». Иными словами, в богослужении у немцев царит примерный порядок, ведутся «многие службы», но с точки зрения жителя Древней Руси, некой высшей красоты во всем этом нет.

У этого вывода есть свой контекст. Чуть выше представлена вера магометан, и кратко сказано, что «нет в них веселия». Ниже по тексту идет знаменитая характеристика византийского богослужения. Послы не могут забыть его красоты и великолепия, и положительно утверждают, что там-то Бог сходит к человеку. Иными словами, захватывает послов именно эстетика культа – и в некоторой степени онтология литургии. Читатель легко припомнит многочислен-

⁴⁴ "Посемъ же приходиша немци, и ти хваляху закон свой".

ные высказывания, и даже трактаты российских философов и богословов, развивающих этот аспект отечественного религиозного сознания.

Однако, помимо того, в цитированном фрагменте едва ли не впервые у нас была сформулирована одна идея, часто повторяемая потом русскими писателями, и касающаяся притом не столько католицизма в целом, сколько именно немецкого народа. В самом схематичном изложении она сводится к тому, что-де у немцев все есть, и порядок примерный, но все же нет у них чего-то высшего, по чему горит и томится русская душа.

Выслушав своих послов, Владимир решается принять крещение от византийцев – и снова медлит. Лишь в следующем году он отправляется со своим войском «на Корсунь, город греческий», навеки присоединяя свое государство к восточному, православному миру (Рах Orthodoxa), который следовал курсом, все более расходящимся с миром западного христианства. Такой выбор впоследствии неизменно подтверждался русскими князьями, от Александра Невского – до Ивана Грозного. Решение Петра Великого, решительно пересмотревшего выбор в пользу «западного порядка» (что явственно прослеживается в тексте хотя бы Духовного регламента) совершило подлинный переворот – и открыло новую, петербургскую эпоху российской истории.

Переходя к «корсунской легенде», фокус внимания летописца сдвигается, причем немцы снова покидают его пределы. Нам же остается сделать вывод, что *знакомство с «немецкой верой» сыграло важную роль при выборе религии, да и определении судьбы своего народа правителем первого русского государства.*

Немецкая проповедь на Востоке

Перечитывая текст легенды об «испытании вер», мы замечаем еще одно любопытное упоминание о немцах. Известие о встрече князя Владимира с немецкими послами, поставленное под 986 годом, завершается его энергичной репликой: «Идете опять, яко отци наши сего не прияли суть». Слово «опять» в данном контексте следует понимать как «обратно, вспять». В итоге получается, что беседы о вере велись с немцами и ранее того, но учение их не было принято. Заметим, что последний глагол поставлен в оригинале во времени перфект. Оно в основном применялось для передачи действия, произошедшего в прошлом, результат которого был, тем не менее, явствен и на момент речи. Иначе говоря, выбор предков оставался действителен и для князя Владимира.

Что же касается отцов, упомянутых в легенде об «испытании вер», то тут летописца можно понять как в узком смысле, так и в широком. В узком смысле, речь могла идти, собственно, об отце крестителя Руси, князе Святославе Игоревиче, который действительно был язычником, хотя каких-то миссионеров при своем дворе терпел, и креститься «в индивидуальном порядке» своим людям не запрещал.

В широком смысле, летописец мог говорить о попытках духовной колонизации славян, неоднократно предпринимавшихся немецкими государями. Приведем только два примера. Первый из них связан с «восточной политикой» Людовика Немецкого, бывшего основателем Восточно-Франкского государства (843). Усиление граничившей с ним на востоке Великоморавской державы – славянской по основному населению и правящей династии – вызывало беспокойство немецкого короля. Среди предпринятых им политических шагов был союз с ханом (после крещения – князем) Болгарским, который должен был отсечь моравских славян от Византии (вот где берет начало историческое притяжение болгарских правителей к Германии, принесшее столько испытаний южным славянам в середине XX века, – заметим мы в скобках).

Религиозные меры включали активную проповедь латино-немецкого духовенства на землях Моравии. Обеспокоенный ее усилением, князь Ростислав в 862 (или 863) году послал за помощью в Византию, в качестве непременного условия выставив знакомство проповедников со славянским языком. Такие нашлись, а имена их читатель назовет сразу. Конечно же, это – «первоучители славян» Кирилл и Мефодий. Получается, что само появление славянской письменности обязано таким образом историческому соперничеству немецкой и греческой проповеди среди славян.

Второй пример связан с попыткой крещения Руси, предпринятой немецким духовенством во времена основателя Германской империи (962), Оттона I. Сохранившиеся источники, в основном немецкие, позволяют восстановить следующую последовательность событий. В 959 году ко двору немецкого короля прибыло русское посольство. Его хорошо приняли, а во время переговоров была достигнута договоренность о прибытии германских миссионеров на Русь. Через два года произошел ответный визит, причем ко двору княгини Ольги, бабушки Владимира Святого, прибыли представители латино-немецкого духовенства во главе с бенедиктинцем по имени Адалберт.

Вслед за этим произошло нечто непонятное. Результат тем не менее ясен: немецкие послы быстро собрались и уехали восвояси. Провожали их не самым лучшим образом: на обратном пути кто-то из состава посольства пострадал – может быть, даже был убит. Немецкие современники поминали несчастное посольство сквозь зубы, с заметным раздражением. По сути, единственное объяснение его неудачи, которое удастся восстановить по источникам, сводится к тому, что начальное посольство княгини Ольги было «притворным». Скорее всего, это надо понимать в том смысле, что русские послы превысили свои полномочия, предварительно договорившись о том, что пока обсуждению не подлежало.

Так ли разворачивались события, или же в Киеве просто передумали за то время, пока немцы собирались в дорогу, чтобы «крестить Русь», и какую роль здесь сыграла византийская дипломатия – дело неясное. Во всяком случае, в Германии Адальберта после того без всякой иронии могли называть «русским епископом». Ну, а князю Владимиру через четверть века после посольства Адальберта было о чем напомнить новым немецким миссионерам.

Одним словом, немецкая проповедь на Востоке велась очень активно в течение более чем ста лет, предшествовавших крещению Руси. Она оказала заметное влияние на духовность восточных славян. Свидетелями той далекой поры служат такие привычные нам, и обозначающие самые базовые понятия христианского культа слова, как «церковь» и «крест». Как это ни удивительно, но оба из них уверенно возводятся этимологами не просто к одному из германских, но именно к древневерхненемецкому языку (и, следовательно, родственны современным немецким Kirche и Kreuz). Поспешим оговориться, что первоисточником обоих лексем был, разумеется, греческий язык. Однако тот путь, который они прошли, прежде чем попасть в славянские языки, весьма показателен.

Принятие христианства от византийцев отнюдь не прервало немецкой проповеди на русских землях. Вскоре после крещения Руси, скорее всего в 1006 (или 1007) году, в Киев прибыл новый немецкий легат, архиепископ Бруно. Распространившиеся у немцев легенды о его удачных подвигах при дворе князя Владимира несомненно вымышлены. Мы говорим прежде всего о «прохождении через огонь», и обращении пораженного этим чудом князя⁴⁵. Однако сам факт приезда на Русь бесспорен, равно как и теплый прием, который немецкие гости нашли при киевском дворе. Повидимому, вслед за пирами и отдыхом, их проводили к порубежным оборонительным валам, обняли и пожелали больших успехов в крещении половцев, что было наиболее вероятной причиной вполне безуспешного «восточного посольства» Бруно.

Прямые контакты с немецким духовенством прослеживаются в истории Киевской Руси и далее, вплоть до самого монголо-татарского нашествия. К ним следует прибавить и более опосредованные связи. К примеру, историкам прикладного искусства известен ряд изготовленных в древнем Киеве крестов, в форме и облике которых странным образом сказываются приметы такой далекой традиции, как ирландская. Откуда взялись у нас ее носители – не секрет. Как мы знаем, вплоть до 1242 года в Киеве была небольшая ирландская колония, спокойно жили и работали заморские ученые монахи и ремесленники. Значительно менее известно, что эта колония возникла и развивалась по сути дела на правах подворья ирландского монастыря в Регенсбурге⁴⁶. А Регенсбург – это германский город на реке Дунай, в пределах теперешней Баварии. Следовательно, ирландская миссия в Киеве стала возможна благодаря продолжению русско-немецких церковных связей⁴⁷.

Киевские князья в принципе покровительствовали таким связям и в силу общей направленности своей внешней политики. Дело было в том, что на пространстве, названном нами «буферной зоной», в течение IX–X века возникли и укрепились такие сильные государства, как Чехия и Польша. Как это часто случается в политике, «сосед моего соседа – мой друг» (в силу того понятного факта, что территориальные претензии между ближайшими соседями почти неизбежны). Вот и основа для временных союзов, заключавшихся немцами и русскими «через голову» Пржемыслидов и Пястов для совместных действий против их «буферных государств».

⁴⁵ Речь шла об обращении, поскольку в немецком предании рассказ об "огненном чуде" был приурочен к 986 году, то есть ко времени, предшествовавшему "корсунскому крещению" князя Владимира.

⁴⁶ Рыбаков Б.А. Прикладное искусство Киевской Руси IX–XI веков и южнорусских княжеств XII–XIII веков // История русского искусства. Т.I. М., 1953, с.291.

⁴⁷ Во время недавнего посещения Петербургской Духовной академии, автору довелось узнать, что едва ли не самые прочные связи по части теологического образования установились у нашего города с Регенсбургом. Вот, таким образом, продолжение давней, еще киевской традиции русско-немецких духовных связей.

Опасность немецкого «натиска на Восток», уже вполне явная западным славянам, на Руси тогда практически не ощущалась. Иначе историки не отмечали бы того, что с течением времени, а именно начиная с XI столетия, русские князья стали все активнее вовлекать немцев и в свои междоусобные раздоры⁴⁸... А между тем за Эльбой уже создавались пограничные марки – области «ускоренной колонизации», ставились бурги, и немецкие рыцари, сверкая глазами, передавали друг другу рассказы о веселом маркграфе Героне, который позвал к себе на пир тридцать могучих славянских князей, разоружил их, и изрубил всех в клочки. Чехи к концу первого «миллениума» признали свою зависимость от Германского королевства; поляки точили мечи – им пока удавалось отбиваться от немцев.

С началом татарского нашествия, связи Руси с землями южной Германии, наследовавшие древнему торговому пути «из хазар в немцы», угасли. Но история русско-немецких связей еще только начиналась. Новое «окно в Европу» – и, в первую очередь, в немецкие земли – было открыто уже новгородцами.

⁴⁸ Назаренко А.В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994, с.15.

Глава 2. Средневековье – ливонское и ганзейское

«Натиск на Восток»

Силовой «натиск на Восток» – или подсознательное «влечение» к нему (в зависимости от того, как переводить немецкое «Drang») – вот ключевое слово для понимания немецкой политики на Балтике в XII–XIII столетиях. Поводов к экспансии на Восток историки насчитали немало – от алчности ряда северогерманских князей – до общей неудовлетворенности немецкого рыцарства итогами крестовых походов на мусульманский Восток.

Действительно, германские императоры со времен первых Штауфенов (то есть с сороковых годов того же, XII столетия) обращали преимущественное внимание на итальянские походы, предоставляя своим северогерманским вассалам почти полную свободу действий на бедных прибалтийских землях.

Что же касалось немецких рыцарей, то они горько завидовали своим английским и французским союзникам, считали, что недобрали добычи на средиземноморском Востоке, и мечтали о реванше на Востоке балтийском. В этом смысле такие действия, как основание Риги (1201) вполне можно считать немецким ответом на завоевание «латинским воинством» Иерусалима (1099) и – несколькими годами позже – Константинополя (1204).

Более глубокой, психологической доминантой было подсудное ощущение тесноты «европейского дома» и стремление расширить его, разрушив и перенеся как можно дальше на восток ближайшую его стену. Не случайно понятие «жизненного пространства» было выдвинуто много веков спустя именно в германской геополитике. Как известно, его разработал идеолог «третьего рейха» К.Гаусгофер (он развивал, в первую очередь, идеи своего соотечественника Ф.Ратцеля, выдвинутые в период бисмаркова объединения Германии)⁴⁹. Следует признать, что германские теоретики осмысливали в данном случае одну из действительных констант исторической психологии немецкого народа.

Обратившись к географической карте, мы увидим, что к востоку от устья Эльбы плавными дугами простиралось пологое южное побережье Балтийского – или, как по сию пору его называют немцы, «Восточного моря» (Ostsee). В те времена его население было славянским, и разделялось на полабские, то есть живущие «по реке Эльбе» (славянской Лаббе) – точнее, между Лабой и Одрой (Одером) – племена ободритов и лютичей; и на поморских славян (поморян), занимавших территорию примерно между Одером и Вислой.

За Вислой начинались земли древних пруссов, принадлежавших уже миру родственных славянам балтийских народов. От Пруссии уходило на север восточное побережье Балтики. Примерно до широты Рижского залива его занимали балтийские племена – такие, как жмудь и курши. Дальше шли земли народов прибалтийско-финского корня, прежде всего ливов и эстов. Наконец, побережье поворачивало на восток, и открывало путь в теперешний Финский залив и в устье Невы, то есть на Русь. Такова была сцена, начинавшаяся сразу же за северовосточной границей «немецкого мира».

Нужно сказать, что действующие лица, занимавшие эту сцену до прихода немцев, были многочисленны, предприимчивы и недружны. Междоусобные войны, без устали ведшиеся их вождями, были тогда притчей во языцех. Рассказы о них не встречали более внимательной аудитории, чем феодалы Северной Германии... Помимо того, что восточные соседи не были дружны, они еще не были просвещены истинами христианской веры. Вот это было еще более

⁴⁹ Цыганков П.А. Геополитика: последнее прибежище разума? \\\ Вопросы философии, 1994, N 7–8, с.60.

интересным, поскольку позволяло просить папу римского о благословении на настоящий крестовый поход – а может быть, и на серию таковых.

Направления основных ударов, удобные проходы и гавани, подходящие места для основания крепостей были давно все выяснены. За добрые сто лет до того, немецкий хронист с полным знанием дела писал, что «от Гамбурга и Эльбы по суше можно за семь дней достичь города Юмны [Волина]. Для морского путешествия необходимо в Слизвиге [Хедебю] или Ольденбурге сесть на корабль, чтобы добраться до Юмны. От этого города за 14 дней под парусом приходят в Новгород на Руси»⁵⁰; не редкость и более подробные описания и итинерарии. На некоторых важных пунктах побережья уже были основаны небольшие торговые дворы немецких купцов; датские и шведские феодалы были совсем не против координации действий.

Не было ничего, что помешало бы немецким рыцарям вступить на эту обширную сцену и исполнить свою партию. Отдавая должное исторической точности, оговоримся, что партий было несколько, задумывались они независимо друг от друга, а исполнялись отнюдь не в унисон. Более того, историки посвятили и посвящают до сих пор немало сил точному выяснению того, каким конкретно образом наследники какого-нибудь персонажа, выступавшего под выразительным именем Альбрехта Медведя, обидели сыновей некоего Генриха Льва, и какой именно передел карты германских владений в Прибалтике за этим последовал...

Все это происходило так, и даже гораздо жестче: земли у нас скудны, а урожаи скромны, что к особому великодушию не располагает; нечасто оно встречалось и на берегах южных морей. Однако в конечном итоге немцам удалось практически полностью овладеть политической сценой восточной и южной Прибалтики, переведя на третьи роли, или вообще удалив со сцены всех остальных действующих лиц.

Нужно признать, что *«натиск на Восток» увенчался безусловным успехом, создав условия для образования нескольких сильных государственных образований – достаточно назвать новую, немецкую Пруссию или Лифляндию. Окончательное крушение политической системы, образовавшейся как следствие этого натиска, и изгнание немцев из Прибалтики произошли совсем недавно, фактически на глазах наших отцов и дедов. Они знаменовали подлинную катастрофу в германской истории, и наступление нового цикла в развитии европейской цивилизации.*

⁵⁰ Адам Бременский (около 1070 г.), цит. по: Херрман Й. Купец и воин в балтийской торговле \ Idem. Славяне и норманны в ранней истории балтийского региона \ Как была крещена Русь. М., 1990, с.249.

Завоевание Ливонии

В 1184 году в устье Западной Двины высадилась первая военная экспедиция, организованная немецкими феодалами. Ее возглавлял монах Мейнард, который и стал первым епископом Ливонии⁵¹. Так была названа новая страна, получившая свое имя от прибалтийско-финского племени ливов, занимавшего тогда эти места.

Даже полабские славяне, земли которых непосредственно примыкали на востоке к германской границе, были в то время отнюдь еще не окончательно замирены. В 1180 году с немалым трудом удалось уговорить поморских князей признать над собой власть германского императора. Поэтому экспедиция Мейнарда была настоящим «прыжком в неизвестное», неясной виделась и будущность крепостей Икскуль и Гольм, основанных Мейнардом на Западной Двине, на известном отдалении от побережья. Восстания ливов начались почти сразу, сражения шли с переменным успехом. Во всяком случае, известно, что Бертольд, второй епископ Ливонии, был захвачен врасплох и зарублен аборигенами (1198). Однако уже через два года в устье Двины прибыла новая экспедиция, и с тех пор приток рыцарей, торговцев и монахов уже не ослабевал.

Весной 1201 года, новый епископ, по имени Альберт, из рода Буксгевден, заложил Ригу – великий немецкий форпост на Балтике. Буквально на следующий год, он дал благословение на создание церковно-рыцарской организации, вошедшей в историю под именем Ордена меченосцев⁵². Еще через несколько лет, третий епископ Ливонии, получивший при жизни прозвание «Апостола ливов», заключил с Орденом договор, формально разграничивший зоны их ответственности и границы владений в Прибалтике.

Пределы этих владений быстро расширились. Поднимаясь вверх по Двине, немецкие войска вскоре вышли на юго-восточном направлении к небольшим местным княжествам Герцыка (Герцике) и Куkenойс (Кокенойс), и уже к 1210 году завоевали их. Примерно в те годы началось и покорение эстов (теперешних эстонцев), бывших северными соседями ливов. Следуя руслу северного притока Двины (теперешней Айвиесте), а также и Гауи, впадающей в Рижский залив немного севернее Двины, немецкие войска еще через несколько лет вышли на северо-востоке в бассейн Чудского озера. Таким образом, логика «натиска на Восток» и рельеф местности сами вывели немцев в традиционную область влияния княжеств древней Руси.

Уже в давние времена, за добрых двести лет до описываемых событий, при сыне Владимира Святого, киевском князе Ярославе Мудром, недалеко от западного берега Чудского озера, на реке Амовже, в земле древних эстов, русскими был поставлен город Юрьев. Город был задуман как несомненный форпост русского влияния в восточной Прибалтике, и в этом качестве предшествовал Ивангороду, а потом и Петербургу, поставленным в свой черед на северо-западных рубежах русских земель.

Любопытно, что все три города получили свои названия по имени великого князя (или царя), при котором были основаны (христианское имя Ярослава было Юрий). *Так сложилась своеобразная традиция, не находящая себе прямого соответствия вне нашего региона.* Новгородцы ценили свой западный форпост, постоянно держали в Юрьеве небольшой гарнизон, и придавали большое значение освоению окружающих его земель эстов. Вот почему, празднуя взятие Дерпта в начале Северной войны, летом 1704 года, Петр I с полным на то правом назвал его «славным отечественным градом».

⁵¹ Общее руководство христианской миссией в Ливонии принадлежало архиепископу северонемецкого города Бремен.

⁵² Чаще всего говорили "Орден братьев-меченосцев" ("Schwertbrüderorden"), хотя формальное латинское название звучало проще – "Братья воинства Христова" ("Fratres militiae Christi").

Нельзя забывать и том, что в давние времена, испытав первый натиск немецкой колонизации, известная часть западных славян снялась со своих мест и переселилась подальше, а именно на северо-запад Руси, где и вошла в состав ильменских словен, а также, повидимому, кривичей. В пользу такого переселения говорят убедительные данные, накопленные в последние десятилетия рядом наук, прежде всего – языкознанием, археологией, историей.

В недавнем докладе на годичном Общем собрании Российской Академии наук, известный наш археолог В.Л.Янин счел нужным подчеркнуть тот факт, что «исходные импульсы передвижения славянских племен на наш угро-финский север находились на территории славянской южной Балтики. *Отсюда предки будущих новгородцев и псковичей были потеснены немцами*»⁵³. Воспоминания о старых бедах должны были сохраниться в народной памяти, обретя новую силу при виде все тех же немцев, добравшихся теперь уже до новгородских земель.

Что касалось территории теперешней восточной Латвии, то тут преобладающим влиянием пользовалось княжество Полоцкое. В течение некоторого времени, Герцыка и Кукенойс признавали себя вассальными по отношению к Полоцку. Контролировать Западную Двину было тем более важно, что по ней с давних пор был проложен торговый путь, который соединял западнорусские земли с европейскими рынками. В этом смысле, *освоение пути по Двине предшествовало проложению более северного и трудного пути по Неве*.

⁵³ Янин В.Л. Археология и исследование русского средневековья \\\ Вестник РАН, 2000, N 10, с.923 (курсив наш).

Психология колонизации

Разумеется, что та деятельность, для проведения которой немцы пришли в Прибалтику с запада, а русские с востока, носит одно общее название, а именно колонизация. Однако способы ее проведения были настолько несхожими, что подводить обе под общий термин перо не подымается. Историки давно уже составили список важнейших различий; рассмотрим его в самом конспективном виде.

Немедленно вслед за захватом новых земель, немцы отменяли старый племенной строй, поголовно, а при необходимости – насильно крестили туземцев, вводили свою администрацию и судебную систему. Лучшие земли отбирались у местных жителей и передавались немецким феодалам или церковникам. Во всех стратегически важных пунктах ставились города или замки с немецкими гарнизонами. На местное население налагались многочисленные подати и повинности, в ряде случаев оно превращалось в феодально-зависимых крестьян.

Новгородцы, насколько нам известно, практически никогда не боролись со старыми обычаями и порядками, а иногда их поддерживали. Даже против языческой религии особой борьбы также не велось – во всяком случае, насильно никого не крестили. Основное внимание уделялось сбору дани. Однако никакой системы опорных пунктов и практики карательных экспедиций за двести лет налажено не было. В сложных случаях новгородцы старались найти понимание у местной племенной знати, и обирать население с ее помощью, ко взаимной выгоде. Конечно, русским князьям доводилось периодически бряцать оружием и устраивать иной раз даже довольно дальние военные походы – однако то были скорей эпизоды, нежели система.

Опираясь на примеры такого рода, историки приходят к выводу, что там, где у немцев была жесткая организация, у русских были размытые во времени и пространстве, почти стихийные действия. При первом серьезном столкновении, победила, естественно, первая, что объясняет быстрый успех немцев в вытеснении русских из Прибалтики⁵⁴. В таком утверждении есть своя правда – однако нельзя исключать влияния более глубоких, психологических установок.

В ливонских источниках практически с самого начала прослеживается четкое противопоставление немцев местному населению, которое рассматривалось если не как нелюди, то всяком случае как «недочеловеки», которых нужно пороть и учить уму-разуму. Прежние порядки не рассматривались как культура вообще. Ее надо было налаживать путем простого перенесения немецких образцов на новую почву во всех областях жизни.

Напротив того, новгородцы отнюдь не считали себя выше местных племен. Всегда помня свою выгоду и умея ее отстаивать, они и не думали о том, чтобы разрушать местные порядки, освященные древностью. В этом смысле новгородская колонизация соответствовала поведенческим нормам и психологическому строю, сложившимся у обитателей наших мест – эстов и ливов, леттов и словен, летголы и кривичей – безотносительно к родному языку и вере.

Жить редкими поселениями среди бескрайних лесов и болот, ловить рыбу в холодных озерах, собирать скудные урожаи на каменистых полях, не давать спуска соседям, но и не навязывать им своих правил, держаться древних суеверий, подолгу не видеть ничего дальше околицы своей деревни или усадьбы – «вот счастье, вот права», вот и психологические доминанты жителей наших мест...

Разница между двумя типами колонизации не укрылась от внимания современников. «Есть обычай у королей русских, покорив какой-либо народ, заботиться *не об обращении его в христианскую веру*, а о сборе [с него] дани и денег», – подчеркнул в 1220-х годах в своей «Хронике Ливонии» Генрих Латвийский (курсив наш). Приняв во внимание, что религия оформ-

⁵⁴ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. М., 1978, с. 18–20.

ляла, определяла и сводила воедино все стороны жизни и роды деятельности средневекового человека, мы можем понять, в чем обвинял противников ливонский хронист. По мысли Генриха и его покровителей, «русские короли» действовали вне рамок культуры, занимаясь простым грабежом – а с такой публикой церемониться нечего.

В свою очередь, составитель Жития Александра Невского, писавший в 1280-х годах, уже твердо знал, как следует относиться к рыцарям-меченосцам. Во-первых, они – «иноплеменники», во-вторых, «иноязычники», но, самое важное, они – «немцы *безбожные*» (курсив наш). Разумеется, мы слышим в этих словах не столько «глас народа», сколько учительный голос церкви (составитель Жития был, по всей вероятности, насельником монастыря Рождества Богородицы во Владимире).

Однако ощущение не частичного, при благоприятных условиях преодолимого – языкового или национального – но полного культурно-психологического отчуждения здесь передано очень верно. В соответствии с литературным этикетом эпохи, оно возводится агиографом к религии, то есть, в конечном счете, к той базовой ценности, на которую ссылался и немецкий хронист.

К нашему времени аргументы и ценности изменились – но *граница между двумя мирами, двумя психологическими типами, проведенная в Восточной Прибалтике в старые времена, отнюдь не упразднена, и даже, как будто, упрочивается*. Пора и нам припомнить, как она устанавливалась.

Тевтонский орден

Рыцарям-меченосцам понадобилось всего полтора десятилетия, чтобы укрепить Ригу, завершить покорение ливов и повести успешные действия уже не в «зоне влияния», а на границах собственно новгородских земель. В 1224 году Юрьев был завоеван немецким войском, при этом весь новгородский гарнизон до последнего человека погиб в бою.

После того, уже несмотря ни на какие походы и временные успехи русских князей, прежний Юрьев стал для нас «Юрьевом Немецким» (так стоит уже в некоторых списках Жития Александра Невского), а потом просто Дорпатом, Дерптом, Тартто, Тарту – одним словом, «отрезанным ломтем». Где пройдет граница – было решено в ряде последовавших за этим сражений и переговоров, занявших всю середину XIII века.

Историки называют прежде всего сражение 1234 года, когда новгородский князь Ярослав Всеволодович, собрав дружину из русских и присоединившихся к ним дружественных эстов, встретился с отрядом немецких рыцарей у реки Амовжи, на которой и был поставлен город Юрьев. В этой первой серьезной битве немецкие войска потерпели безусловное поражение. Оно произвело тем большее впечатление на руководство Ордена, что вскоре после того, независимо от новгородцев и эстов, литовцы с земгалами нанесли рыцарям еще одно серьезное поражение в битве, произошедшей на их землях, при Сауле (Шавлях, позднейшем Шяуляе).

Поняв, что судьба немецкой колонизации Прибалтики висит на волоске, рыцари-меченосцы приняли еще одно решение, имевшее далеко идущие последствия для ее судеб. В 1237 году, они объединили свои силы с Тевтонским орденом, обосновавшимся к тому времени на прусских землях. *Теперь новгородцам предстояло иметь дело не с «ограниченным контингентом» авантюристов в рясах и латах, но с вооруженными силами гораздо более сильного «орденского государства», протянувшегося с небольшими разрывами во всю длину прибалтийских земель.*

Тевтонские рыцари располагали прекрасной организацией и большим боевым опытом. Орден был образован на Ближнем Востоке в конце XII века, во время крестовых походов, и сохранял память о том великом воодушевлении, на гребне которого поднялись духовно-рыцарские ордена тамплиеров, иоаннитов – а позже тевтонцев, членами коего состояли по преимуществу немцы. Вот почему его нередко называли еще и просто Немецким орденом.

Внешние различия между одеяниями рыцарей разных орденов были намеренно сглажены – красный крест на белом плаще у тамплиеров, белый крест на красном плаще – у госпитальеров (иоаннитов), черный крест на белом плаще – у тевтонцев⁵⁵. Близка была и организация орденов, основанная на четкой иерархии и строгом соблюдении дисциплины, и их идеология, ставившая высшей духовной целью вооруженную брань с неверными – точнее, сочетание брани внутренней и внешней, и их тяжелая мистика, напитанная эзотеризмом древних восточных культур.

Спору нет, история взлета и падения рыцарей-храмовников (тамплиеров) затмила в глазах Европы деяния всех остальных орденов. Невиданные богатства Ордена и казнь на костре его Великого магистра Жака де Молэ, обвинения в отправлении «тайнства пепла» или поклонении идолу Бафомета, возможное сохранение ядра Ордена после разгрома 1310-х годов и своя не вполне вероятная преемственность по отношению к нему, о которой заявили деятели уже раннего французского масонства, давно описаны в научной литературе – и в общих чертах знакомы любому читателю, хотя бы по популярным историческим романам Мориса Дрюона. И все же магистры Тевтонского ордена принесли на наши северные земли идеи и ценности,

⁵⁵ Рыцари-меченосцы избрали своей эмблемой красные меч и крест на белом поле.

выработанные в той же накаленной среде легендарных крестовых походов, что и воззрения рыцарей-храмовников.

Замок Великого магистра Ордена в Мариенбурге (теперь это – Мальборк на севере Польши), основанный в 1272 году ландмейстером Конрадом фон Тирбергом, приобрел значение сакрального центра нового теократического государства, ведущего одну из главных партий в балтийской политике вплоть до XVI века. В дальнейшем он неизменно служил целью паломничества немецких националистов, желавших приобщиться к истокам «тевтонского духа».

«Я хотел бы открыть вам одну тайну. Я основываю орден», – передает слова А. Гитлера такой серьезный мемуарист – к тому же, писавший по свежим следам событий – как бывший данцигский сенатор Герман Раушнинг. Сперва он входил в «ближний круг» единомышленников фюрера, но, всего через несколько лет после прихода нацистов к власти, бежал в Англию и написал там свою знаменитую «книгу-предупреждение».

«Эта мысль не была для меня новостью», – продолжает Раушнинг, – «Очевидно, она восходила еще к Розенбергу. По крайней мере, Розенберг первым сказал мне об этом. В залах старого замка Мариенбург, принадлежавшего Тевтонскому рыцарскому ордену, он сделал доклад перед небольшой группой посвященных. Очевидно, историческая память об ордене и его влиянии в Пруссии была истинной причиной того, что национал-социализм тяготел к превращению в подобный орден. Могучие рыцари, мудрые правители – все они имели духовный сан и учение со своими „тайнствами“, знания, скрытые от непосвященных и иерархию; особый способ руководства... Все это, вероятно, должно было служить ценным примером и сегодня»⁵⁶.

От Мариенбурга наподобие паутины расходилась целая сеть менее значительных замков, распространявших сакральную власть Великого магистра по всем прибалтийским землям. Новгородцы с естественным беспокойством следили за ее разрастанием, думая, впрочем, в первую очередь не о таинственных ритуалах рыцарей, но о том реальном геноциде, который они устроили на землях древних пруссов.

Действительно, если эстонский и латышский языки дожили до наших дней, если даже на ливском языке говорили до недавнего времени несколько десятков рыбацких семей на побережье Балтийского моря к северу от Виндавы (Windau, теперешнего Вентспилса) – то прусский язык, как в своем помезанском, так и самбийском диалекте, уже через несколько десятков лет после прихода тевтонских рыцарей принадлежал вымиравшему народу, а к XVIII столетию вышел из употребления даже в самых отдаленных прусских деревнях.

Так полагают современные этнографы. Заметим, впрочем, что работавший над своей «Древней Российской историей» в пятидесятых годах XVIII века М.В. Ломоносов писал о «старожилых прусских, которые еще и поныне живут рассеяны по некоторым селам в Пруссии и тем же языком говорят, который употребляют литва, жмудь, курландцы, ибо в городах живущие дворяне и мещане суть приезжие немцы, которые теми землями около тринадцатого столетия завладели по несправедному папскому благословению». Мы только что процитировали начало главы VIII; надемся, что читатель внес в текст отца нашей историографии поправку, состоящую в том очевидном факте, что языки пруссов, литовцев и латышей были родственны, однако, конечно, не идентичны.

На одной из конференций, проводившихся в Тартуском университете под председательством видного нашего специалиста по реликтовым славянским языкам, профессора А.Д. Дуличенко, автору довелось однажды услышать небольшое выступление на прусском – точнее, на древнепрусском языке⁵⁷, с которым выступил литовский лингвист Миккель Клоссе.

⁵⁶ Раушнинг Г. Говорит Гитлер \ Idem. Говорит Гитлер. Зверь из бездны \ Пер. с нем. М., 1993, с.189.

⁵⁷ Так принято называть язык балтийских племен пруссов, чтобы отличить его от позднее распространенных в том же ареале прусских говоров немецкого языка.

Помнится, он рассказывал также, что в Литве, Польше и Германии возникло в последнее время несколько обществ людей, возводящих свой род к древним пруссам, и пытающихся возродить язык и традиционные ремесла своего народа под сенью старинного черно-красно-черного флага. Как ни грустно, но речь шла не более чем об освоении результатов научных реконструкций – живая традиция давно прервалась.

Новгородцев ждала бы не лучшая участь, чем пруссов, если бы им не удалось остановить продвижения Ордена на восток.

«Рыцарь Андреяш»

План «восточной кампании» 1240 года был намечен рукой опытного стратега. Ее ударную силу составлял Ливонский орден (это название приняли остатки рыцарей-меченосцев после объединения с Тевтонским орденом). Помимо орденских формирований, в деле согласились принять участие датчане, занявшие (точнее, вернувшие себе) к тому времени основную территорию Эстляндии, то есть северную часть эстонских земель, а также шведы, все более активно действовавшие на финских землях к востоку от Ботнического залива. Германский император и папа римский были ознакомлены с общим замыслом действий коалиции и сообщили о своем одобрении.

Со своей стороны, нараставшая угроза с запада ощущалась и на Руси. В 1238 году, самые близкие к Ливонии княжества – Новгородское, Полоцкое, а также Смоленское – заключили союз и озаботились укреплением старым крепостей, равно как закладкой новых. Как видим, обе стороны предвидели войну и готовились к ней каждая на свой лад.

Житие Александра Невского выносит эту военно-дипломатическую прозу за скобки. После небольшого вступления, где говорится о родителях князя и богоугодности его княжения, мы читаем, что в то время «от Западных страны, иже нарицаются слугы божия»⁵⁸ на Русь пришел именитый муж, по имени Андреяш (или Андрейашь), и пожелал видеть князя Александра Ярославича. Встретившись с князем, Андреяш вернулся обратно, где рассказал своим, что до той поры «не видех такового ни в царех царя, ни в князех князя». Услышав такие слова, «король части Римьския от Полунощныя страны» возгорелся духом, и принял решение пойти попленить «землю Александрову», с чего и начался шведский поход на Неву.

Как видим, летописец отличает Швецию (называя ее «Полунощной», то есть северной, страной) от Ливонии («Западной страны»). Первой правит король, и она входит в число держав римско-католического мира (поскольку ее повелитель – не просто король, но «король части Римьския»). Второй правит не король, а лицо, облеченное властью (в Житии он характеризуется как «некто силен»), который имеет отношение к латинской вере, поскольку в его стране обретаются рыцари-монахи («слуги божия»).

Оба правителя состоят в общении, касающегося, в частности, и отношений с новгородцами. Таким образом, *предшествовавшие битве на Неве события, в которых наш взгляд привык выделять агрессию шведов, для русского агиографа начались с русско-немецких (точнее сказать, новгородско-ливонских) контактов.*

Заметим, что полная картина событий еще подлежит восстановлению. К примеру, в примечаниях к своему изданию Жития Александра Невского, В.И.Охотникова находит возможным утверждать, что под именем рыцаря Андреяша составитель подразумевал некоего Андрея (то есть, надо думать, Андреаса) фон Фельвена, занимавшего в 1240–1241 годах пост магистра Ливонского ордена. Соответственно, речь в Житии действительно могла идти о ранних дипломатических сношениях ливонцев с новгородцами, притом на высоком уровне.

Напротив, рассматривая привлечший наше внимание фрагмент Жития, И.П.Шаскольский пришел к выводу, что рассказ о рыцаре Андреяше, скорее всего, не вполне достоверен. По мнению нашего замечательного историка, кругозор ливонского рыцаря, пусть даже магистра, был недостаточно широк для того, чтобы оценить таланты русского князя, тем более чтобы составить сильную западную коалицию. На это был способен скорее деятель масштаба папского представителя Вильгельма, в легатскую область которого в то время как раз входили

⁵⁸ Житие Александра Невского здесь и ниже цитируется по изданию В.И.Охотниковой, см.: Воинские повести Древней Руси. Л., 1985, с. 120–127.

и Ливония, и Дания, и Швеция, и которому по должности полагалось заботиться о крещении «восточных схизматиков и язычников».

Высказаны и другие мнения. Признавая, что детали событий нуждаются в дальнейшем исследовании, нужно помнить о том, что житие не есть летопись, тем более – не конспект истории дипломатии. Поэтому, учитывая искажения, вносимые следованием агиографа житийному канону, мы все же не ошибемся, предположив, что общая направленность мысли его составителя соответствовала действительному ходу событий. Вряд ли можно сомневаться в том, что о походе на русские земли подумывали тогда и при шведском дворе, и в орденских замках, и в кабинете посланца папы римского.

«Бург Копорье»

Оперативность орденской дипломатии привлекает наше внимание и еще в одном отношении. Дело в том, что шведы выступили на Русь примерно на два месяца раньше, чем это было договорено с ливонцами и датчанами. Поэтому, собственно, войска ярла Биргера и прибыли в Землю Ижорскую в одиночку, чтобы уже 15 июля 1240 года сойтись в Невской битве с новгородско-ижорской дружиной. Заинтересовавшись таким опережением, историки занялись его предысторией, и пришли к выводу, что, скорее всего, у ливонцев мог быть план одним пройти от Наровы – прямо до Невы, захватить ее устье, а если удастся – и среднее течение, и закрепиться таким образом в Ингерманландии еще до подхода своих шведских союзников⁵⁹.

Такое предположение находит себе опору в дальнейшем тексте Жития. обстоятельно поведав благочестивому читателю о чудесном видении Пелгусия, подвиге шести храбрецов и поражении шведов, составитель немедленно переносит свой взгляд на запад. В первом же предложении нового периода подчеркнуто, что «въ второе же лето по возвращении с победы князя Александра приидоша паки от Западных страны и возградиша град в отечестве Александрове». Второе лето после победы на Неве – это 1241 год, а «паки» переводится как «снова».

Итак, недруги пришли снова, причем не из Швеции, но из «Западной страны». Выше по тексту эта страна упомянута только один раз, и, как мы помним, именно в качестве местопребывания впечатлительного рыцаря Андреяша с его «слугами божиими». Эта страна определяется как Ливония. Что же касается немецкого имени «града», поставленного ливонцами «в отечестве Александровом», то в тексте Жития оно, к сожалению, оставлено без упоминания. Несмотря на это, контуры исторических событий вновь проступают сквозь строки старинного повествования.

Как мы знаем, в 1241 году ливонский отряд перешел восточную границу, углубился на русскую территорию и основал на массивной известняковой скале, дополнительно защищенной с юга глубоким, местами достигающим тридцатиметровой глубины, каньоном реки Копорки, крепость, соответственно этому гидрониму приобретшую известность в дальнейшем ходе истории северо-западной Руси под гордым именем Копорья.

Стратегическая выгода места, выбранного ливонцами, не вызывает сомнения. Стоя на северной оконечности Ижорского плато, крепость царит над берегами Копорского залива и Лужской губы (географические названия, естественно, нынешние) – что обеспечивает ее господину обладание морским побережьем и прилегающей к нему полосой земли западной Ингерманландии.

За прошедшее время уровень Балтийского моря несколько понизился, а его берег отступил. Сейчас линия побережья отстоит от подножия крепостной скалы более, чем на двенадцать километров. Это, конечно, дистанция порядочной протяженности. Однако в ту эпоху, о которой идет наш рассказ, море подходило к Копорью гораздо ближе. До наших дней дошли неоднократные и заслуживающие доверия упоминания о том, что крепость использовалась жителями прибрежных поселений как сторожевой пункт, и даже как ориентир, а после наступления сумерек – своеобразный маяк, в старые времена хорошо видный с моря.

Учитывая особенности места, избранного ливонцами для новой крепости, можно в общих чертах реконструировать и их геополитический замысел. Восточные берега Балтийского моря – от Пруссии до Ливонии – были уже по большей части покорены. Во всяком случае, у рыцарей были все шансы если не расширить свои приобретения, то удержать их. Эстляндия ранее уже входила в состав земель Ордена. Как известно, сначала ее завоевали датчане, затем их изгнали ливонцы, и, наконец, в 1238 году, после длительных увещеваний, а потом и прямого

⁵⁹ Шаскольский И.П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. М., 1978, с. 155–157.

давления папского легата, магистр Тевтонского ордена нехотя согласился вернуть Эстляндию прежним хозяевам (о племенных начальниках эстов, естественно, и речи не было). Статус-кво удалось таким образом, с грехом пополам, восстановить к началу решительных боевых действий против Новгорода. Но разве это могло помешать Ордену выбрать в дальнейшем удобный момент и предлог, двинуть войска на север, и захватить Ревель (теперешний Таллин), а с ним и Эстляндию.

Заметим, что «дружба-вражда» датчан и немцев прошла красной нитью в истории покорения прибалтийских земель. За добрых сто лет до основания Копорской крепости, оба колониальных хищника порознь, однако примерно в одно время напали на полабских, а потом и поморских славян, иногда мешая, но чаще помогая друг другу – на манер егерей, загоняющих дикого зверя под выстрел. Потом схожие события произошли и на землях эстонских племен. Повидимому, в силу такого положения составитель Жития Александра Невского не считал необходимым особо выделять участия датского отряда в боевых действиях.

Итак, присоединение (или возвращение) Эстляндии скорее всего рассматривалось в Ливонии как вполне выполнимая задача, решение которой было просто отложено до удобного времени. Как мы знаем, оно наступило только через столетие. Вооруженные силы Ордена явились тогда под Ревель – сначала, чтобы помочь датским соседям подавить восстание эстонцев, а позже – чтобы прибрать к рукам владения самих датчан. За них были, впрочем, заплачены приличные отступные, а именно, четыре с лишним тонны серебра. В датской печати можно встретить исторические ламентации на сей счет, иногда проявляющие черты близости статьям в российских газетах, в которых оплакивается продажа американцам Аляски.

Побережье Балтийского моря само указывало рыцарям-крестоносцам направление следующего захвата. Продолжая уже выработанную, привычную стратегию, надобно было одним ударом занять полосу прибрежных земель к востоку от Наровы, без промедления поставить там на возвышенном месте крепость-«бург» и укрепить ее по законам фортификационного искусства. Вслед за этим оставалось бы только провозгласить образование новой провинции Орденского государства, и озаботиться приисканием ей приличного герба.

При сильном сопротивлении новгородских войск, границу немецкой Ингерманландии пришлось бы в таком случае до поры до времени провести по северной оконечности великого Ижорского плато, примерно по широте Копорья, и заняться первоочередным освоением полосы земли между новым бургом и побережьем залива. В случае же удачного для ливонцев хода событий, рельеф местности сам подсказывал, куда двигаться дальше. Любой серьезный аналитик того времени сказал бы, что нужно взять под контроль все пространство плато, и использовать его как плацдарм для захвата приневских земель – либо уже поворачивать на юг и идти «воевать Новгород».

Примерно такими нам видятся доминанты «Восточной программы», продуманной ливонскими стратегами в предвидении кампании 1241 года, и связанной с основанием Копорской крепости. Заметим, что контуры такого плана просматриваются в событиях и более поздних времен. К примеру, рассматривая обстоятельства подписания Салинского договора, заключенного между Тевтонским орденом и Великим княжеством Литовским гораздо позже, через добрых полтора века (а именно, в 1398 году), историки отмечают, что некоторые особенности его формулировок объясняются скрытым стремлением немецких рыцарей обеспечить себе свободу действий на русском Востоке. В первую очередь, эти действия подразумевали передвижение ливонской границы с Наровы – на Неву, что сразу снимало бы естественные рубежи, затруднявшие до того времени продолжение «натиска на восток»⁶⁰.

Вполне исключить такого развития событий нельзя – *и была бы в наших краях «немецкая Ингерманландия», если бы не моментальная реакция князя Александра со товарищи нов-*

⁶⁰ Казакова Н.А. Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV – начало XVI в. М.-Л., 1975, с. 36–38.

городцы. Выступив со всей возможной поспешностью, новгородское войско захватило ливонский «бург» и разметало его до основания. Последнее обстоятельство в Житии Александра Невского отмечено особо. Что же касалось неудачливых фортификаторов, то одни из них были повешены на деревьях, другие уведены в плен, третьих же князь отпустил, ибо был «милостив паче меры», как с искренним умилением добавляет составитель Жития.

Отогнав ливонских агрессоров, новгородцы приметили исключительно удобное место. При сыне Александра Невского, князе Дмитрие, здесь была возведена по всем правилам искусства фортификации просторная каменная крепость. Поскольку формально она числилась на правах частного владения князя, не будет ошибкой предположить, что он планировал расположить здесь свою княжескую резиденцию – может быть, в противоположность самому Новгороду. Как бы то ни было, но уже к 1297 году Копорская крепость перешла в государственную собственность, и новгородцы установили здесь «важнейший военно-стратегический форпост северо-западной окраины Северной Руси»⁶¹.

Как видим, Копорской крепости придавалось большое значение в противодействии «Восточной программе» орденов стратегов. С течением времени, это значение несколько снизилось, но только потому, что на ливонском направлении были поставлены новые русские крепости – сначала Ям (позже – Ямгород), а потом и Ивангород – мощная северная «контр-Нарва».

Ну, а еще через два с лишним столетия, в 1703 году, в тех же местах, но уже на восток от Копорья, был поставлен «Бург св. Петера», навсегда закрепивший присутствие России на восточных берегах Балтийского моря. Таким образом, проясняется рисунок той *небольшой, но существенной роли, которая принадлежит Копорью в предыстории Санкт-Петербурга*.

Копорская крепость так долго и верно служила государству российскому, что многие авторы находят возможным не упоминать вовсе о первоначальном, немецком эпизоде ее истории. Такая забывчивость извинительна: уж слишком коротко он продолжался. Народная память, напротив, сохранила смутное воспоминание о том, что «Копорье-де строили шведы». С одной стороны, его объяснением может служить своеобразный облик входа в крепость, с подъемным мостом, опускающимися решетками и парой пушечных башен, фланкирующих проход. У нас тогда так не строили (хотя дошедшие до нашего времени въездные сооружения Копорской крепости поставлены несомненно московскими мастерами в XVI веке). Зато для немецких и шведских фортификаторов такие сооружения были делом обычным.

С другой стороны, в фольклорной традиции северной Руси, немцев вполне могли называть шведами; обратное тоже случалось. Память народная не различает второстепенных деталей, о главном же судит неложно. Глядя на крепость, строго присматривающую со своего возвышения за порядком на низменных, далеко видных пространствах Ижорской земли, местные жители вполне могли вспоминать рассказы прадедов о том, как в старину немецкие рыцари поставили тут свое укрепление, и не щадя сил бились за него.

С тех пор прошло много столетий. Устья Невы и Наровы давно застроены современными домами. Уже, кажется, пробил час и устья Луги. Что же касается до пейзажа окрестностей Копорской крепости, то он почти не изменился. Для жителя Петербурга будет совсем нетрудно взять билет на пригородный автобус, доехать до Бегуниц, а там свернуть в сторону от большой дороги, но поехать не на юг, к романтическим курганам Волосова и Извары, а на север, к берегу Финского залива.

Довольно скоро перед его взглядом встанут изглоданные ветрами и непогодами башни древней твердыни. С одной стороны он увидит стену мрачного, чаще всего мокрого леса, вплотную подступающую к ним с напольной, северной стороны, и линию мелкого моря, еле виднеющуюся за ним на горизонте, с другой – глубокий провал речки Копорки.

⁶¹ Кирпичников А.Н. Копорье \\\ Архитектурное наследие Ленинградской земли. Л., 1983, с.64.

То же самое видели и ливонские рыцари семь столетий тому назад, когда в первый раз заявляли свою претензию на приневские земли, ставя здесь свой город. Те же окрестности видели и новгородские воины, давая ливонской претензии свой первый, твердый отпор. Все то же видит и современный семиолог, восстанавливающий в давно прошедшем, скоротечном, жестоком «диалоге культур» мотив, вполне актуальный и даже архетипический для «немецкой метафизики» Петербурга.

Ледовое побоище

Потерпев неудачу в сражении за Копорский «бург», ливонцы отнюдь не проиграли всю «русскую кампанию». Совсем напротив: на севере их отряды продолжали успешные действия практически по всей территории Ижорской возвышенности, на востоке они постепенно приблизились к Новгороду. Что же касалось Пскова, то орденские войска почти сразу его захватили, и поставили в нем новую, колониальную администрацию.

Последнее обстоятельство было для новгородцев особенно неприятно. Пойти попленив землю соседа, пограбить в свое удовольствие, дать поразмяться дружине, вернуться «со многим полоном и с великою корыстью» – это еще куда ни шло, так поступали многие. Но ливонцы не просто взяли большой город: в тексте Жития Александра Невского было подчеркнуто, что и «град Псков взят», «и тиуны у них посажены» (в другой сохранившейся рукописи Жития, стоит не менее определенное «и наместники от немец посажены»). Здесь мы вполне можем видеть письменное закрепление популярного тогда оборота речи. «Круто же немцы взялись – у них и тиуны уже посажены!» – так или почти так, но наверняка с немалым раздражением говорили новгородцы, упирая «руки в боки», а то и бросая шапки оземь.

Посмотрев на карту, мы увидим, что русская территория, оккупированная немцами к 1242 году, была довольно обширной – во всяком случае, вполне сравнимой по площади с самой Ливонией. Копорье было, правда, разрушено – зато немцы заняли такой крупный, сопоставимый по своему населению и торговым связям с самой Ригой центр, как Псков. Делала первые шаги и немецкая администрация, вводившая свой строгий «орднунг» на новгородских землях, не исключая и территорий, непосредственно прилегавших к приневской низменности.

Одним словом, в наших краях крепко запахло немецким духом. В такой нервной обстановке пребывание князя в Новгороде было оправдано лишь подготовкой к скорому походу. Автор Жития делит дальнейшее течение военной кампании против ливонцев на три эпизода.

Сначала князь Александр одним ударом освободил Псков, оборонявших же его немцев одних «изсече», других «повяза», третьих же «взя без числа» в полон, не исключая, по всей видимости, и новопоставленных тиунов. Однако такой решительный успех немцев не напугал. Напротив, они собрали новое, еще большее войско, и снова пошли на Русь, договорившись на этот раз еще и пленить самого князя Александра.

Военные действия развернулись «в зимнее время». Это упоминание поставлено в рукописи скорее всего с той целью, чтобы напомнить читателю, что в тот год стояли сильные морозы. Поэтому оба войска смогли сойтись на льду Чудского озера и сражаться на нем, хотя было уже начало апреля.

Надо заметить, что в основных дошедших до нас списках Жития ничего не сказано о том памятном нам по замечательному фильму С.М.Эйзенштейна эпизоде, когда лед подламывается и затягивает на дно озера цвет немецкого воинства. Образ, использованный в Житии, гораздо более сдержан. Мы узнаем только, что бойцы ломали копья и рубились мечами, причем сотрясение льда и звук сечи были так страшны, что могло *показаться*, что лед лопается: «И бысть сеча зла, и трус копий ломления, и звук от сечения мечнаго, яко же и езеру померзшыю двинутиися, и не бе видети леду, покры бо ся кровию».

Впрочем, нельзя отрицать, что сцена, столь скупко обрисованная агиографом, подверглась в умах потомства несомненной амплификации. Так, намечая «Идеи для живописных картин из Российской истории», к ней обратился и М.В.Ломоносов. Представляя сюжет картины VIII, названной «Победа Александра Невского над немцами ливонскими на Чудском озере», наш славный ученый подчеркнул, что «при сем деле то может представиться отменно, что происходило на льду. Где пристойно, изобразить бегущих, как они, стеснясь и *проломив тягостию лед, тонут*. Иные друг друга изо льду тянут, иные, напротив того, друг друга погружают и

колют как неприятелей. Кровь по льду и с водою смешанная особливый вид представит» (курсив наш)...

Итак, русское войско билось на льду. Одновременно на помощь ему пришло и небесное воинство, «полк Божий», гнавший врагов «на въздусе». Последнее выражение очень интересно: буквально в следующем предложении сказано, что немцы не устояли, и русские воины погнали их, «аки по иаеру». Слова «воздух» и «иаер» – синонимы, причем последнее происходит из греческого языка, где оно обозначало по преимуществу нижний, плотный слой атмосферы, в отличие от верхнего, называвшегося у греков «эфиром».

Слова греческого происхождения всегда принадлежали у нас более высокому стилю, нежели славянская лексика. Поэтому с точки зрения древнего читателя, было бы корректнее, если бы ангелы гнали врагов по «иаеру», а люди – [как] по воздуху. То, что слова переставлены, передает идею полного единодушия обоих полков, ни один из которых, строго говоря, не сражался на земле. Ведь земная битва разыгрывалась не на земле, но на тонком слое льда, буквально между небом и водой. Над ней же, над головами сражавшихся, шли в бой ангелы Божии.

Упоминание о «полке Божием» придает необычайно высокую значимость Ледовому побоищу. Не случайно составитель оставляет здесь обычное для житийной традиции смирение, подчеркивая, что о чуде он слышал непосредственно от участника сражения, «самовидца», который в свою очередь сам видел «небесное чудо», и лишь сообщил о нем агиографу. Заметим, что несколько выше по тексту, рассказывая о Невской битве, сочинитель также подчеркнул, что сам он в сражении не был, но слышал о нем из уст «господина своего великого князя Олександра» и от его сподвижников. Сразу же после этого помещен рассказ об ангеле Божием, который незримо сошел на берег реки Ижоры во время Невской битвы, и побил там множество шведов.

Сходство между рассказами об обеих победах укрепляется еще и упоминанием о небесном заступничестве святых мучеников Бориса и Глеба. В случае Невской битвы, речь идет о знаменитом «видении Пелгусия». Как мы помним, в ночь на битву, этот старейшина, а возможно, и креститель земли Ижорской вышел на Неву, и увидел движущийся по воде насад (корабль) с обоими братьями, которые стояли, «словно мглою одетые».

На Чудском озере дивного насада никто не видел. Однако же в Житии помещена молитва князя перед битвой, в которой он просил Господа рассудить его спор с «языком непереподобным» (то есть с неблаголепным, неправедным народом) и помочь – как древле он пособил «прадеду нашему Ярославу на окаянного Святополка». Здесь Александр, несомненно, припомнил сражение на реке Альте, где Ярослав Мудрый разбил Святополка, отомстив, таким образом, за убийство Бориса и Глеба.

Упоминание о славном пращуре⁶² было тем более уместно, что князь Ярослав Владимирович в свое время основал и обустроил поблизости от западного берега того же Чудского озера город Юрьев (теперешний Тарту). Произошло это за добрых два столетия до Ледовой битвы, что, безусловно, напоминало читателю о неосновательности, или, говоря современным языком, нелегитимности притязаний ливонцев на земли Причудья.

⁶² Прадедом Александра Невского был, собственно, князь Юрий Владимирович Долгорукий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.